

JOE R. LANSDALE

**PRISONER
489**

**ILLUSTRATED BY
SANTIAGO CARUSO**

На острове с тюрьмой для худших преступников в мире, новый заключенный посажен на электрический стул. После многократных попыток и потери энергии на всем острове, заключенный наконец мертв. Его хоронят на тюремном кладбище под табличкой с номером 489.

После похорон, происходит сильный шторм и один из сотрудников пропадает без вести. Персонал ищет своего потерянного товарища и обнаруживает, что могила 489 раскопана, а тело исчезло. Столкнувшись с неизвестной угрозой, они должны сражаться за свою жизнь.

Джо Р. Лансдэйл

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ 489

Бернард считал, что его маленький остров был прекрасный, хоть и служил отвратительной целью. Пусть и прекрасной, но от этого не менее отвратительной. Остров напротив был больше, но не так красив, в отличие от маленького островка, на нём не было деревьев, но возвышались стены тюрьмы. Которые хорошо просматривались из небольшого каменного бункера, стоящего на меньшем острове. В бункере было 7 небольших комнат, и он был достаточно большой, чтобы в нем можно было разместить бульдозер, фронтальный погрузчик и мастерскую. Все ниже перечисленное находилось в центре бункера, запираемого с двух сторон тяжёлыми металлическими дверьми с мощными замками на случай непредвиденных происшествий. С каждой стороны здания, которое они называли стражем острова, было множество окон, зачастую широко распахнутых, чтобы впустить морской освежающий бриз. Вокруг бункера росли высокие деревья, закрывающие солнце. Благодаря чему было не так жарко в солнечные дни. По ночам они отбрасывали причудливые тени в лунном свете. И иногда Бернард любил посидеть у своего окна спальни, пытаясь постичь их тайны. Через просвет среди деревьев Бернард мог увидеть большой остров и стены тюрьмы, переливающиеся яркими огнями. Также тюрьма хорошо просматривалась с песчаного пляжа, опоясывающего береговую линию малого острова. Вы бы могли увидеть её с причала, уходящего в воду. Причал был построен из прочного дерева, окрашенного в чёрный цвет, он скрипел и пошатывался от сильного ветра и высоких волн, но стоял крепко. Если бы вы пробрались через чащу деревьев, колышущихся от редкого ветра, вышли бы в другую сторону острова, то увидели бы только море. С одной стороны возвышалась только скала с зазубренными пиками, и лежали бы гладкие белоснежные валуны, огромные, будто спины бегемотов. Эту часть острова называли Большим спуском, ходили слухи, что предыдущий зритель сошёл с ума от одиночества и нехватки чёрного чая и сбросился с Большого спуска, разбившись о скалы, словно арбуз. Бернард, стоя на краю Большого спуска, мог понять, откуда берется желание прыгнуть. Это было подобно зову русалок. Он уже испытывал такое раньше, когда чуть не перегородил своим автомобилем путь колонне дальнбойщиков. Не то чтобы он когда-то хотел этого, но когда он наблюдал за теми грузовиками, его посетила такая мысль. Он почувствовал, как его руки сжали руль, будто он и правда хотел это сделать. Иногда ему казалось, что лучше бы он так и поступил. Он часто задумывался об этом, стоя на краю обрыва Большого спуска. Из окна своей комнаты в страже острова Бернард часто всматривался в стены тюрьмы, будто мог видеть сквозь них, хоть и знал, что не стал бы этого делать, даже если бы мог. Бледные бетонные стены тянулись высоко вверх. Они переливались в лучах солнца, под каким углом ни посмотри. И казалось, что они крадут всё солнечное тепло. Если бы вы прикоснулись к ним в жаркий день, вам бы показалось, что вы прикоснулись к раскалённому металлу. По ночам, когда всходила полная луна, стены становились цвета белого мрамора. Они медленно остывали после дневной жары, но наощупь ночью они напоминали тело покойника, омытого ледяной водой. Бернард недолго пробыл на том острове, только в качестве наблюдателя, когда проходил обучение, но забыть он его не мог. И искренне жалел тех бедолаг, которые томились внутри, охраняемые самой природой и надзирателями "АОО". Это было дурное место, и оно не нравилось Бернарду. Он отправлялся туда только в тех случаях, когда ему

нужно было уехать. Уже с тюремного острова он мог добраться до так называемого реального мира и провести там недельку отпуска. Он возвращался в реальный мир преимущественно ради того, чтобы наведываться к паре проституток. Но облегчения это ему не приносило, шлюхи любили болтать чуть меньше, чем он сам. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Срок его дежурства в тюрьме давно закончился, но он решил остаться. Зачем ему нужно было возвращаться туда, где у него ничего не было. Ему не особо нравилось быть в полной изоляции от внешнего мира, но и на материке он чувствовал то же самое. Даже если его окружали другие люди. Он даже подумывал о том, чтобы отказаться и от отпусков. Под окнами Бернарда был разбит сад, который он про себя называл Евсиманским, но почему он так решил, он не мог объяснить. В нем росли пышные небольшие деревья, всевозможные растения и неприхотливые цветы, красные, жёлтые, оранжевые, белые. Иногда в нем выращивались овощи. Но их выращивал не Бернард, он вообще не работал в саду, этим занимался Уилсон. Уилсон был всего лишь ребёнком, но у него был талант к садоводству. Он мог вырастить такие сочные помидоры и огурцы, что вы бы заплакали от удовольствия, поедая их. Семья Уилсона была фермерами, поэтому он точно знал, что нужно делать. Он много времени проводил в саду, устанавливал подпорки для томатных лоз, обрабатывал тыкву и огурцы. Также посадил несколько грядок картофеля. Помимо этого то тут, то там росли горох и островки кукурузы. По ночам Бернард будто слышал, как они растут. Кукуруза издавала такой звук, будто маленький человечек хрустит суставами, дорожка из белых камней, которую смастерил Уилсон, блестела в лучах солнца и светилась в лунном свете.

Словно змея, она вилась к побережью, но не доходила до него. Уилсон сказал, что обязательно закончит её, когда у него будет время. Времени у него было предостаточно, что не скажешь о желании. Камни были тяжелыми, конечно, он мог их покидать в ковш погрузчика, перевезти к бункеру и переложить, но на это ушло бы слишком много времени, а Уилсон больше времени возился с цветами и овощами. И Бернард был рад этому. Садик был очеровательный, самое то для красивого островка. Уилсон делал и другую работу: управлял техникой, чинил то тут, то там по мелочи. У него все получалось, и на него можно было положиться, но Тоглу в этом не было равных. Казалось, что Тогл родился с одной рулеткой в одной руке и молотком в другой. Тогл был из тех людей, который мог без проблем починить мотор или заменить шину. Забавно, но всему этому их научил Бернард. Сейчас то, чему он учил их, стало их главными обязанностями. И они превзошли его. Бернард был их начальником или кем-то вроде того. Уилсон и Тогл называли его боссом или просто Бернардом. А за спиной, он знал, потому что они не особо скрывались, Тогл называл его сукиным сыном. Бернард неплохо ладил с Уилсоном и чуть хуже с Тоглом, но остров — не то место, где имело смысл заводить друзей или семью. Если у него и была какая-то семья, то он совсем её не помнил. Самые ранние воспоминания начинались, когда он попал в приют, а затем и в приёмную семью. Он помнил, как стал прислуживать в церкви, и священник засунул свой член ему в задницу. А потом долго плакал и просил никому не рассказывать, потому что тогда бог простил бы их обоих. Только Бернард не понимал, за что его самого нужно прощать, его изнасиловали, и любой бог, готовый это простить, не заслуживает, чтобы в него верили. После это его жизнь пошла под откос, потому что он и оказался здесь. Множество мелких преступлений и тюрьма, потом пришли те люди в костюмах, посмотрели на него сквозь решетку и сказали: "Мы думаем, ты создан для чего-то лучшего." Видимо, вот это они считали лучшим. Хотя, когда ярко светило солнце, сверкало синее море, и небо

заливал лунный цвет, и сияли звёзды, словно глаза диковинных животных, жизнь казалась не такой уж плохой. Уж по-любому, в тюремной камере три квадратных метра с кроватью. Лучше регулярных встреч с Бастером, который требовал снять нижнее бельё и ходить в тюремный робе, как в юбке. Это лучше было, чем смотреть через решетку камеры и видеть, как твоя жизнь утекает, как песок сквозь пальцы. В правом дальнем углу сада, в почти не видимом из окна, возле которого стоял Бернард, было кладбище. У него тоже было название, как и у всего на этом острове — Страж острова, Большой спуск. Оно называлось Удел. Именно благодаря Уделу у них была работа. Хотя делать было нечего так уж много. Они дожидались вести о новых покойниках, а в перерывах между захоронениями тел просто ждали. Остров был такой же тюрьмой, разве что на нем не было решеток, и никто не мешал купаться голышом. Перекрученные деревца с тёмной корой и с шипами толщиной с большой палец толстяка хаотично росли возле Удела. На окраине Удела росло одно большое дерево ближе к побережью. Оно не было высоким и не имело шипов, но его ствол был настолько толстым, что потребовалось бы четыре человека, чтобы обхватить его. Могилы были помечены простыми белыми табличками с чёрными символами на них. Числа на надгробьях соответствовали именам, записанным в книге Денворда. Никакой информации о покойных, точней о казнённых, не было даже даты рождения, только дата и место захоронения и номер — здесь похоронен номер 73, а там — номер 98 и так далее. Вряд ли такие записи вообще стоило хранить. Всего здесь было 488 могил. Заключённых хоронили на протяжении почти 100 лет.

Бернард как-то услышал от Кетла, лодочника, что привозил припасы и трупы, что почти все 100 могил были вырыты одновременно для тех, кто был убит в каком-то восстании на тюремном острове, возможно, это были всего лишь слухи, но Бернард знал то, что ему рассказывал Кетл. В Уделе было ещё достаточно места для новых могил, а учитывая нынешний распорядок — казней около трех в год — потребуется немало времени, чтобы заполнить всё кладбище, если, конечно, не найдется другого места для массовых захоронений. Если вдруг Удел переполнится, Бернард не знал, что делать в таком случае, возможно, для захоронения выберут другое место, но Бернард подозревал, что старые могилы просто выкопают с помощью бульдозера и свалят в одну большую могилу, чтобы сэкономить место. А так как к тому моменту в могилах останутся лишь кости, сделать это будет не так сложно. Гробы изготавливали из быстроразлагаемого материала и дешевой древесины и картона, трупы оборачивались серой мешковиной, которая довольно быстро сгнивала, а так как мешки тоже разлагались в кратчайшие сроки, оставались только трупы.

Бернарда интересовал один вопрос. Если так и поступят, то какой биркой заменят все имеющиеся? Не самая интересная тема для размышлений, но лучше, чем ничего. В какой-то момент Бернард поймал себя на том, что задумывается над вещами, которые ни за что бы не заинтересовали его в обычных обстоятельствах. Заключённые в могилах, хотя были мертвые, были другими; он не был точно уверен, чем они отличались от других людей. Но знал, что они иные — это были не простые насильники и убийцы, они были намного хуже. Он не знал, что сделало их такими, но знал, что это правда — они были злом, не как мультяшные злодеи с закрученными усиками, а истинным злом, гнилым изнутри, несущим тьму в самом сердце.

Сама мысль об этом заставляла его вздрагивать, когда Бернард посещал тюрьму с целью обучения всему, что должен уметь смотритель. Один из охранников проникся к нему симпатией и периодически сопровождал его, он был кем-то вроде личного охранника для

Бернарда. Он помогал ему учиться, рассказывал о тюрьме и следил за тем, чтобы он не узнал лишнего. Того парня звали Чарли, и Чарли поведал ему, что у него худшая работа на свете, многие охранники посходили с ума, начисто лишились рассудка. Чарли рассказал ему, что знал одного охранника, который разбил голову о бетонную стену, размазав на ней свои мозги, некоторые повесились, ещё пара человек утопились в море. Поэтому срок службы охраны был ограничен тремя годами, будь то мужчина или женщина, потом ты мог отдохнуть с годик и вернуться ещё на 2 года, если очень хотелось, а потом покинуть это место навсегда. Ещё никто не вернулся.

Он сказал, что слышал только об одном охраннике, который решил вернуться после отпуска.

На второй день он перерезал себе горло осколком стекла. Чарли сказал, что и сам время от времени ловил себя на нехороших мыслях, он чувствовал, что в этой тюрьме слишком много зла, которое можно было ощутить физически. Словно тень, оно скользило по коридорам и камерам. Он сказал, что ему снились некоторые заключённые, как они пытались высосать его тень; он сказал, что эти сны были настолько реальными, что во время обхода он стал следить за тем, чтобы все лампы горели, чтобы всегда видеть свою тень, что она всё ещё следует за ним по стенам коридоров. "Они здесь без суда и следствия. Именно так и нужно с такими людьми, — сказал Чарли, — они худшие из худших, отсюда есть лишь три выхода: болезнь, старость или электрический стул."

За свое короткое пребывание на тёмном острове Бернарду довелось увидеть пару заключённых, ожидающих наказания. Раз он собирался стать зрителем, он должен был присутствовать на казни. Если бы здесь не практиковали смертную казнь, Бернард и представить себе не мог, чем бы ее можно было заменить. Одно знал точно — ему крайне не повезло стать свидетелем одной из них.

Там была большая камера с окном, прозрачным только с одной стороны. Заключенный не мог вас видеть. Он наблюдал, как к стулу пристегнули толстую женщину с сальными волосами, один её глаз был белым, как снег, а второй лихорадочно дергался и вращался, будто пытаясь найти укрытие в ее голове. Она отчаянно сопротивлялась, но её усадили на стул, широкие ремни обхватили её талию, запястья и лодыжки, в рот ей засунули прорезиненный кляп, держащийся на ее голове с помощью хомутов. Ее глаза закрыли черной повязкой, на голову надели металлический колпак, от которого к генератору шли металлические проводки. Она стала похожа на чудаковатого космонавта, готовящегося к запуску в космос. Никаких последних слов, священника. Все происходило в абсолютной тишине. Когда она была надёжно зафиксирована, надзиратели отошли в сторону, а мужчина в капюшоне дёрнул за переключатель, напоминающий огромный рычаг из фильма о Франкенштейне. Воздух загудел, как миллионы пчёл, как будто пошёл волнами солнечный свет в темноте. Женщина дёрнулась и приподнялась над стулом, будто она могла лететь, но ремни удержали её на месте. Из-под повязки и её рта пошёл дым, из-под металлического колпачка вырвались язычки пламени, спалив ей уши, которые быстро потемнели, как и её щёки. Её пальцы дергались, как извивающиеся черви, пытающиеся спастись. А потом она замерла.

Надзиратель отмахнулся от дыма подошел и осмотрел ее, в комнату вошел врач, послушал женщину стетоскопом и кивнул, он снял с неё повязку, и мертвые глаза вывалились из глазницы, висели на уровне щёк. Белый глаз больше не был белым, он покраснел и дымился.

После этого Бернард и остальные — он не знал никого из них — покинули комнату. Их выпустили на свежий воздух, о котором заключённым оставалось только мечтать.

И он стоял рядом с ними, вздрагивая, не зная никого из них, не разговаривая с ними, а потом их увели. Буквально за мгновение Бернард потерял их из виду и больше никогда их не встречал и так и не узнал, зачем они приходили. Он знал только то, зачем он сам там был, и теперь эти воспоминания были заперты в его памяти, как чертик в табакерке; он не знал, в какой момент воспоминания вырвутся наружу. Иногда ему казалось, что он чувствует запах горелой плоти той женщины, похожий на запах поджаренного бекона, хотя в тот момент он не чувствовал никаких запахов, иногда ему мерещился её висящий глаз, как он дымится, и дым растворяется в воздухе.

Однажды Бернард попытался порасспрашивать Кетла насчёт того охранника, чтобы поддержать беседу. Кетл сказал ему, что примерно через 3 месяца после того, как Бернард стал смотрителем малого острова, Чарли исчез. Все решили, что он утопился и теперь его тело покоится где-то на морском дне. Никто ничего не знал наверняка, но все сомневались, что он ушел с острова живым. Не только заключённые не могли покинуть остров, но и охранники тоже. Они могли только уплыть на лодке или улететь на вертолете. Чарли пропал уже довольно давно, но время от времени Бернард вспоминал о нём, стоя на берегу моря и вглядываясь вдаль, иногда он представлял себе, как тело Чарли выкидывает на берег волнами. Прошло уже 10 лет, а он всё ещё этого ждал, ему самому это казалось безумным, но он продолжал лелеять эту мысль.

А что, собственно, плохого в том, чтобы коротать время выжиданиями. Хоть Бернард и видел нескольких заключённых и побывал на казни, он ничего не знал о тех, кто оставался в тюрьме, и что-то ему подсказывало, что в обозримом будущем ничего не изменится. Но Бернард полагал, что оно и к лучшему, кое-что он знал наверняка — сегодня придёт ещё один.

Кетл привезёт ещё одного покойника, чтобы похоронить его под большим деревом у побережья. Сегодня звонил телефон, сообщение было коротким и простым, как единственная мысль, бьющаяся в пустом черепе. Голос с акцентом сообщил время казни и дату прибытия трупа.

Телефон осуществлял связь только между островами, во внешний мир дозвониться было нельзя. Никаких разговоров с материком, да и острова не часто связывались с друг с другом, только для передачи коротких сообщений "Закончились припасы" или "Скоро привезут свежеподжаренного заключённого". Так как казни случались не так часто, большую часть времени Бернард проводил за чтением книг и журналов; интернета у них не было, никакой электронной почты, на этом острове не было места развлечений, как и не было искушения.

Ему было мерзко думать об этом, но каждое сообщение об очередной казни становилось для него поводом для радости — хоть что-то нарушило привычный порядок вещей.

Уилсон был молод и оказался здесь по причине всплеска гормонов и собственной юношеской глупости. Через два года, когда ему разрешат поехать в отпуск, он многое поймёт. Несмотря на то, что раньше, чем через пять лет с острова его не отпустят, он всё равно всё ещё будет мал. Тогл был очень похож на Бернарда: ему и на острове не нравилось, и на материк не хотелось, его часики тикали, отмеряя время на этой планете, но менять что-либо он не собирался. Кетл работал в тюрьме и приплывал на малый остров всего на пару часов. Он привозил припасы и тела, но Бернарду казалось, что он не так уж сильно отличался от них.

Может, он и был всё ещё болтун и врун, но он был таким же человеком, у него была душа.

Бернард радовался каждому приезду Кетла, его историям и сплетням о том, что творилось на Большом острове. Но и его отъезду он радовался не меньше.

Дела на острове шли своим чередом, никаких выдающихся событий, так что приходилось развлекать себя своими силами, например, сидеть и ждать очередной казни. Бернард уселся в кресло у окна и открыл книгу. Последней он прочитал "Над пропастью во ржи", и она ему жутко не понравилась. Он столько слышал о ней, что это шедевр мировой классики, но уже через несколько глав он искренне жалел, что ребёнок не сдох на первой же странице. У него было много общего с тем ребенком. История героя, на его взгляд, могла бы вам понравиться, только если бы вам было 15 и вам показалось, что это круто.

Теперь у Бернарда в руках была другая книга, и, возможно, она будет лучше предыдущей.

Но он поймал себя на том, что не особо вчитывается в сюжет. Он снова думал о своей проблеме. Он думал, как бы ему убраться с острова, чем он будет заниматься на материке, и чем больше он об этом думал, тем больше утверждался в мысли, что останется здесь до тех пор, пока его не увезут насильно. Он часто задумывался об отставке просто потому, что ему казалось, что именно так ему и нужно поступить, но он этого не хочет. А на следующий день он снова возвращался к этим размышлениям, как будто они имели для него какой-то особый смысл. Самому себе он напоминал стареющего пса на цепи, жаждущего следующей кормежки — единственное событие, которое могло произойти с ним, — и прикончившего очередную порцию, снова ждущего следующей.

Смеркалось. Бернард взглянул на часы — всего через 15 минут окончательно стемнеет, тогда он выключит свет и будет ждать. И еще через час зажгутся фонари вокруг места, которое он называл своим домом, вспыхнут огни на стенах тюрьмы, давшей ему работу. Бернард не знал, как это работает. Острова получали энергию из одного источника, ходили слухи, что в море под толщей воды были спрятаны водонепроницаемые батареи. Но в этом он сомневался, скорее всего, под водой проходил кабель, и, само собой, на каждом острове был свой запасной генератор. Огни тюрьмы начинали мерцать, когда очередной заключённый получал свою дозу электричества. Спустя какое-то время приплывала лодка Кетла, а потом были похороны.

Под окном он увидел Уилсона. Он сидел в шезлонге среди своих растений, оттуда он мог отчётливо наблюдать за тюрьмой, оставаясь в тени деревьев. Тогл, наверно, уже ждал у причала, курил сигарету или жевал табак. Уилсон обернулся, посмотрел вверх и крикнул: Пора бы уже!

Это верно, — ответил Бернард, сделав вид, что только сейчас об этом вспомнил.

Они ждали уже целый день, могила давно выкопана. Скоро приплывет лодка, тело опустят в яму, потом они закидают его с помощью погрузчика и утрамбуют лопатами, а потом наступит завтрашний день. Бернард сделал себе кофе из не очень-то чистого чайника, перелил его в не очень-то чистый пластиковый стаканчик, открыл упаковку шоколадного печенья и сел обратно в кресло, поставив кофе с печеньем на столик. Он много читал о казнях и запомнил, что зеваки всегда приносили с собой что-нибудь пожевать в ожидании главного события. В какой-то мере он делал то же самое.

Бернард обмакнул печенье в кофе и съел его. В наступающих сумерках небо стало свинцовым и тяжелым. Он внимательно следил за зданием тюрьмы. По верхней кромке

тюрьмы желтые огоньки выстроились в ряд, словно желтые глаза. Бернард понятия не имел, где именно находится эта комната, где осуществляется казнь. Кетл говорил, что она расположена в дальней части здания, а большего он и сам не знал.

Бернард снова взглянул на часы, отхлебнул кофе. Огни на стенах тюрьмы из желтых стали тыквенно-оранжевыми. Как и в его комнате, свет оставался приглушенным довольно долгое время.

Наступила глубокая ночь, оранжевые огни тюрьмы отражались в воде, затем цвет на стенах тюрьмы и в комнате Бернарда стал ярче, и в воде отразились ярко-желтые огни, казнь завершилась. Но затем светильники снова моргнули, в этот раз свет погас. Возможно, это была лишь игра воображения, но Бернарду почудился запах озона. Он ждал, всё ещё темно, и вот, наконец, снова зажегся свет, яркий и желтый. "Черт," — подумал Бернард, он мог припомнить только один случай, когда пришлось дергать рубильник во второй раз — что-то пошло не так и пришлось повторять процедуру. Но в этот раз свет не просто приглушился, он выключился напрочь на несколько секунд.

Пока Бернард предавался размышлениям, свет снова погас. Он так удивился, что вскочил с кресла, задев столик и опрокинув кофе на пол, он почувствовал тепло и понял, что залил кофе свои носки. Он подошел к окну и принялся ждать, секунда, две, три, он успел дочитать до восьми, когда снова зажегся свет, яркий, теплый, желтый. Он лился из окон тюрьмы и мягко отражался на поверхности моря, казалось, что затонул огромный корабль, но его фонари продолжали светить под толщей воды.

Херня какая, — раздался голос Уилсона откуда-то из сада.

Да уж, — ответил Бернард, свесившись из окна, — полная херня. Ты когда-нибудь видел подобное?

Уилсон выбрался из шезлонга и стоял, повернувшись лицом к Бернарду.

Неа.

Номер 486 не удалось поджарить за один раз, тогда свет мигнул два раза. Ну что бы три, нет, такого я никогда не видел.

486 — самое крайнее у дерева, — сказал Уилсон.

Ага, это она, нам пришлось пустить ток два раза. Первый заряд её не убил, только со второго раза им это удалось, но о таком я никогда не слышал. Три удара — это же кого надо было три раза током шарахнуть, может, неполадка какая. Возможно, только с третьего раза получилось подать достаточно тока и прикончить бедолагу.

Господи, — пробормотал Уилсон, — это же как должно было долбануть.

Хороший вопрос, походу скоро нас ждет работенка, — вопрос был риторическим, поэтому Бернард не ответил.

Он отошел от окна, и в этот момент снова погас свет. Темнота, свет вернулся.

А вот это, сказал Бернард Уилсону, стоящему под окном, — ты бы назвал несусветной хернёй.

Бернарда пробил озноб, как если бы ветер принес прохладу с моря, только вот не было никакого ветра, на деревьях даже листья не шелестели. Скоро как по часам поднимется ветер, всколыхнёт волны, закачает ветви деревьев, но сейчас остров был неподвижен, как тот проклятый мертвяк, дымящийся на электрическом стуле. Бернард поднял пластиковый стаканчик, поставил его на тумбочку, а затем подобрал печенье и доел его. Пол всё равно был чистым, а он очень хотел печенье.

Закончив уборку, он подошел к шкафу, достал бутылку с жидким антацидом и отпил

прямо из горлышка. На вкус лекарство напоминало мел, Бернард не знал, чем вызваны его проблемы с желудком. Работа была не такой уж хлопотной, но вот живот часто болел.

Возможно, так сказывались последствия его прошлой жизни или что-то наследственное. А может быть, перенервничал из-за воспоминания той жуткой казни, как бы то ни было, два-три раза в неделю ему приходилось принимать лекарства.

Как он и ожидал, подул морской бриз, он услышал шелест листьев, больше напоминавший кашель туберкулезника. Ветви ударялись друг от друга и гремели, как игральные кости в стаканчике игрока. Ветер принес прохладу.

Через открытые окна он посмотрел в просвет между деревьями и увидел блики, пляшущие на поверхности воды. Бернард сделал большой вдох, отошел от окна, натянул легкое пальто, взял фонарь, вышел из дома и направился к пристани.

Уилсон шёл где-то позади него со своим фонарем, именно сюда вскоре должен был прибыть Кетл. Когда Бернард дошел до причала, Тогл уже был там. Он припарковал погрузчик неподалеку от свежей могилы, лопаты лежали рядом. Подошел Уилсон и встал рядом с Бернардом, засунув руки в карманы пальто.

Здорово. — Сказал Тогл.

Бернард кивнул, Уилсон поздоровался с ними обоими. Своей манерой радоваться встрече независимо от обстоятельств он напоминал большого щенка. Тогл предпочитал проводить время в одиночестве, он неплохо ладил с Уилсоном, но проводил с ним или Бернардом времени больше, чем требовалось по работе. У Тогла была своя комнатка внизу, рядом с гаражом. Там он смотрел фильмы на дивиди на своём маленьком телевизоре.

Он пересматривал одни и те же фильмы снова и снова, в основном боевики. Само собой, телевидения у них не было, смотреть было нечего. Как Бернард ждал новых книг, так и Тогл ждал, когда привезут новые фильмы. Бернард тоже пробовал что-нибудь посмотреть, но ему это быстро наскучило, поэтому он и дальше решил развлекать себя чтением и мастурбацией.

Хотя последнее давалось ему всё с большим трудом. Ему никак не удавалось вообразить себе женщину, которая согласилась бы с ним лечь в постель. Ему вообще было довольно трудно представить себе женщину. Что крайне его расстраивало.

У Тогла был с собой термос с кофе. Так что он налил себе немного. Бернарду кофе он не предложил, но Бернард несколько не расстроился из-за этого, ему пришлось бы пить из одной чашки с Тоглом, а от Тогла вечно несло жевательным табаком и нестиранными трусами. Бернард взял одну из заранее подготовленных лопат и опёрся на неё.

Уилсон заговорил первым, он говорил о погоде, как будто они сами не заметили, что поднялся ветер и скоро они промокнут. Уилсону просто нравился звук собственного голоса.

Уилсон был дружелюбным и довольно приятным пареньком, но Бернард ненавидел его бесконечную болтовню, но для себя он решил, что, когда мальчик отслужит свое, он уедет с острова. Должен уехать, не то что он сам. Он пробыл в этом месте так долго, что уже не верил, что заслуживает право на нормальную жизнь во внешнем мире, где нормальные люди общаются, болтают за обеденным столом, занимаются любовью и создают семьи.

Этот Одинокий Остров казался единственным реальным местом на свете. Однажды Бернард понял, что ненавидит трёп Уилсона, потому что завидует ему. Уилсон наверняка покинет этот остров, был уверен в том, что из них всех у него одного был шанс на нормальную жизнь. Он хотел, чтобы мальчик уехал, но тот факт, что парень мог это сделать и сделает непременно, вызывал в нем лютую зависть.

Уилсон продолжал болтать о погоде, когда Тогл повернул голову, всмотрелся в воду и, будто не слыша Уилсона, произнес: А вот и он.

Они присмотрелись. Там и правда была лодка, обычное судно. Что-то среднее между рыбацкой лодкой и баржей, выкрашенной в черный цвет, более подходящий для неё, учитывая ее применение. Наверно, на такой же перевозили мертвых по реке Стикс. А их Маленький остров был подобен царству Аида. Кетл же был их Хароном.

Лодка равномерно двигалась, невзирая на волны и нарастающий ветер, по мере её приближения к причалу они слышали, что её мотор тарахтит, как умирающий дракон.

Этому засранцу неплохо бы вспомнить, что такое физический труд, — проворчал Тогл, — заменил бы пару свечей, и мотор был как новенький. А еще лучше вытащить эту развалюху на берег и заменить нормальной лодкой. Этот плавучий кусок дерьма однажды просто уйдет под воду, Кетла найдут с рыбой-меч в заднице, а тело, которое он вез, покроется водорослями в тайнике Дейви Джонса.

Лодка была всё ближе, мотор стал затихать, не прекращая тарахтеть, наконец, с громким пердящим звуком она остановилась, глухо ударившись о причал. Мгновение спустя Кетл — высокий седоволосый мужчина — выбрался из рубки и ступил на настил мостика. Бернارد и остальные двинулись ему навстречу, Кетл привязал лодку толстым канатом. Он поднял голову и произнес: Эй, мужики, киски есть?

Охренеть, как смешно, — ответил Тогл. — Было дико смешно, когда ты спросил об этом в первый раз и еще сотни раз после этого. Вот полгода отсмеяться не могу. Нет, ни тогда, ни сейчас нет.

Ну и ладно. Вот что я вам скажу, на Большом острове раз в месяц они устраивают нам развлекуху. От прошлой ночью, например, они всегда привозят шлюх на ночь для казней.

Каждой бабе — по члену, каждому мужику — по киске. Но верным семьянинам, естественно, ничего.

Чушь, — ответил Тогл. — Я не видел тебя первых 10 раз, не поверю и сейчас.

А хочешь понюхать мои пальцы? — спросил Кетл. — Я их потом целую неделю не мою.

Твою же, ты же жрёшь тунца.

Ладно, ладно, хватит об этом, — сказал Бернارد. Подобные разговоры всегда вгоняли его в краску.

Бернارد, какой же ты скучный сукин сын, — сказал Кетл. — Тебе никто не говорил этого раньше?

Почему, все говорят. Особенно ты, хорош об этом.

Уилсон подал голос: Эй, что это ты нам принес на этот раз? Есть что-нибудь стоящее?

На следующей неделе я много чего привезу, — ответил Кетл, — я привёз чай, кофе, коробочку пиченьков. На этом всё, на следующей неделе будет больше. А, Бернارد, один смотритель передал тебе книжку, Чарльз Диккенс. Я как начал его читать, но он меня усыпляет.

Я очень рад, — сказал Бернارد, — ты уверен, что привёз именно её? В прошлый раз ты обещал мне Старика и море, но этой книги не было в ящике, только стопка журналов.

Журналов с голыми тёлками, — встрял Тогл. — Я ещё подумал, это прикол такой, тебе пора бы расставлять приоритеты, Бернارد, книги о тонкостях рыбалки или красotka с раздвинутыми ногами.

Вот сейчас и проверим, — сказал Бернارد, и они все вместе зашли на борт.

Там были два ящика, один поменьше, предположительно с кофе, чаем, печеньем и

книгой, и еще один — побольше, в нём было тело. Бернард поднял крышку маленького ящика, в нём была картонная коробка. Бернард достал перочинный нож и вскрыл коробку, заклеенную скотчем. Там была книга, а также чай, кофе и печенье.

Неплохо, — сказал Уилсон, наклонившись над ящиком и глядя на книгу. — Я могу прочитать её после тебя?

Конечно, ответил Бернард.

Он тебя плохому научит, малыш, — сказал Тогл.

Впервые вижу такой огромный ящик для трупа, — сказал Бернард.

Тело-то большое, — попытался пошутить Кетл, — не поможете мне вытащить его на берег? Я буду рад избавиться от него. Этот парень пугает меня до чертиков, хоть он и сдох.

Ящик был изготовлен из прочных досок с металлическими ручками по бокам. Им пришлось приложить все усилия, чтобы вытащить его на причал, где они остановились передохнуть.

Твою ж мать, — прохрипел Уилсон. — Там что, слон, что ли, внутри.

Там внутри металлический гроб, а внутри наш почетный гость.

Они никогда так раньше не делали, — сказал Бернард. Он имел в виду металлический гроб. — Ведь раньше все гробы были дерьмовые, из быстро разлагаемых материалов.

Не делали, — ответил Кетл. — Но им раньше и не приходилось раньше убивать кого-либо похожего на этого парня. Здоровый был, голова с чертов мяч, плечи шире плотины Гувера (Плотина Гувера — уникальное гидротехническое сооружение в США, расположена на границе штата Аризона и Невады, 48 км к юго-востоку от Лас-Вегаса. Названа в честь Герберта Гувера, тридцать первого президента США, сыгравшего важную роль в строительстве. В 1981 году плотина была включена в Национальный реестр исторических мест США — примечание переводчика) Они три раза пытались его поджарить.

Четыре, — поправил Бернард.

Верно, — сказал Кетл, — Четыре. Он всё равно дышал после последнего удара.

Да это же невозможно, — возразил Уилсон.

Возможно, — ответил Кетл. — Они прикончили его, надев ему пластиковый пакет на голову.

Вам это знать не нужно, как, собственно, и мне, но я там был, я всё видел, я всегда предпочитаю знать кого казнили. Так моя работа кажется мне более настоящей.

А я воздержался бы, — сказал Бернард. — Мне хватило.

А мне нормально, — сказал Кетл. — С каждым разом всё проще.

Этого-то я и боюсь, — ответил Бернард.

А я тоже не хотел бы этого увидеть, — сказал Уилсон.

Посмотрите-ка, кто тут у нас обоссался, — ухмыльнулся Тогл. — Давайте-ка переложим нашего толстячка на землю, а то я как будто кино смотрю.

Ты-то видел их достаточно, — проворчал Уилсон.

Со мной всегда моя бутылка, — заявил Тогл, — если приложиться к ней пораньше, всё равно, сколько раз ты смотришь, фильм каждый раз будет, как первый.

А у меня с собой есть бутылочка вискаря, я захватил его, чтобы отметить успешное завершение сегодняшнего дела, — сказал Кетл. — Когда положим его в могилу, может, хлопнем по стаканчику, а потом уж я отчалою. Они не так строго следят за моими перемещениями.

Я бы не отказался от виски сказал Тогл.

Они потащили ящик с причала к вырытой могиле. Несколько раз им приходилось останавливаться и опускать ящик на землю.

Вот черт, — сказал Тогл. — Там внутри точно слон.

Честно вам скажу, — сказал Кетл, — они боялись, что с его весом он просто разломает обычный дешманский гроб. Думаю, они правы.

Но почему металлический-то? — Спросил Бернад.

Я тебе больше скажу, — продолжил Кетл, — этот гроб еще и цепями обмотан.

Это еще нахрен? — Спросил Бернад.

Это чтобы он оттуда не выбрался, они так и не сняли с его головы пакет. А вообще каждый заключённый уникален, просто этот чуть более уникальный, чем остальные.

А имя у него есть? — Спросил Бернад.

По крайней мере, никто об этом не знает. Мы просто называли его номер 489, - ответил Кетл.

Как же можно казнить кого-то, даже не зная его имени, — возмутился Бернад.

А странно, правда!

Когда они, наконец, дотащили ящик до кладбища, их одежда насквозь пропиталась потом.

Они попытались закрепить ящик ремнями, чтобы опустить его в могилу. Ящик накренился, разорвались ремни, и он скользнул в яму, так сильно ударившись о землю, что распахнулся, открывая взгляду металлический гроб.

Черт побери, — выругался Бернад. Впервые отлаженный механизм подготовки к похоронам дал сбой. Он чувствовал свою полную некомпетентность.

Эй, приятель, все в порядке, — сказал Кетл. — Никто ничего не видел. Скоро мы просто закопаем яму, и кому какое дело, что этот ублюдок похоронен головой вниз.

Все нужно делать по правилам, — ответил Бернад.

А он и правда обмотан цепями. — Проговорил Уилсон. Они посмотрели туда, куда он указывал. Гроб был обмотан толстыми цепями с навесными замками.

Ну я ж говорил, — сказал Кетл.

Но ведь он же мертвый, — сказал Тогл. — Даже чудики рано или поздно дышат.

Думаю, они хотели быть уверены наверняка, — сказал Кетл. — Давайте-ка закапывать его, а потом накатим. Я расскажу вам, что знаю. А почему бы и нет? Мне ж нужно кому-то выговориться.

Пришлось изрядно потрудиться. Уилсон и Тогл спустились в могилу и смогли уложить гроб горизонтально. Они вытащили обломки ящика, которые не были придавлены весом гроба, выбросили их и выбрались из ямы сами. Тогл уселся в погрузчик и засыпал могилу землей.

Затем Бернад, Уилсон и Тогл разровняли могилу лопатами, а Кетл стоял, облокотившись на большое дерево.

У меня есть табличка для него, — сказал Тогл. Она лежала на сиденье в погрузчике, и он принес ее. На ней был написан номер 489. Он швырнул ее на могилу к изголовью. — Вот и славненько, — сказал Тогл. — Еще одного закопали.

Кетл разлил виски по стаканчикам и раздал их всем, кроме Бернада, который не пил алкоголь и решил довольствоваться кофе, который Кетл привез ему.

Кетл сказал: Крупный парень. А ведь он не ел.

Они сидели на стульях в гостиной, как они ее называли, общественной комнате. Хотя все их общество состояло из них троих и одного гостя — Кетла. Они настежь распахнули окна и двери, чтобы морской воздух принёс немного прохлады.

А в каком смысле не ел? — Спросил Бернард.

Да вообще не ел все то время, что содержался в тюрьме. Он три года ждал казни. Понятия не имею, почему так долго, но у них ведь нет никаких правил и законов, которые нужно было бы соблюдать. Не для тех парней, которых они держат там. Хотя я не уверен, что этот чудик — вообще человек.

Бред какой-то, Кетл, — сказал Тогл. — Всем нам нужно что-то есть. Всем людям. Даже если мы вычтем вес ящика и металлического гроба, там была та еще тушка, — продолжил Тогл. — Что-то ведь он наверняка ел.

Ничего он не ел все три года! — Сказал Кетл и сделал длинный глоток из своего стакана. — Я вам щас от чё расскажу. Меня как-то приставили к нему, ну сами понимаете, покараулить, заглядывать в камеру иногда — убеждаться, что он себе не навредил. Я несколько раз просил их освободить меня от этой работы, уж больно она меня угнетала. И в итоге они согласились.

Любой, кому довелось иметь с ним дело, понял бы меня. Они держали его в специальном помещении, там все стены были расписаны какими-то символами. Уж не знаю, что там было написано, но это было похоже на какие-то магические знаки.

Бога ради, — застонал Тогл. — Только историй про призраков нам не хватало.

Ну а я хочу послушать, — сказал Уилсон, наклонившись вперёд. Он выпил всего один стакан, но его уже развезло.

Я не думаю, что символы были нарисованы для красоты, — начал Кетл. — Там явно творилась какая-то хреномания, их нарисовали специально, чтобы удержать его в той комнате. Стены толщиной в три метра, прутья решетки с мое запястье, а за решеткой — стена из прозрачного пластика. А они еще электричество подвели. Каждый раз, когда он подходил слишком близко к решеткам, его било током, хотя это его не особо волновало. Можно было зайти в камеру и встать перед пластиковой стеной, но все охранники ограничивались тем, что просто заглядывали внутрь через окошко входной металлической двери. Дверь была стальная и почти полметра толщиной.

То есть, его били током, а он не обращал внимания? — Спросил Тогл. — Да хорош чушь-то нести!

Электричество не причиняло ему никакого вреда. — Ответил Кетл.

Сегодня он получил четыре мощных заряда, а ему еще пакет на голову надели. — Сказал Уилсон. — Эт-то вы понимаете? Так что думаю, что слабый удар током он бы пережил.

Верно говоришь, мальш, — сказал Кетл. — И он правда совсем ничего не ел. Первые месяцы его пребывания его пытались кормить каждый день, но он оставлял тарелку нетронутой либо швырял ее в стенку. И ведь не похудел ни на грамм. Он поступил к ним ростом два метра и весом 181 килограмм, у него были широченные плечи, а ноги и руки, как стволы деревьев. А какие гигантские у него были ладони! В камере был туалет, но он ни разу им не воспользовался. Ну раз он ничего не ел, то откуда было взяться дерьму? Он просто... был. Он сидел на своей койке, продавил ее напроць и вообще не шевелился. За исключением тех случаев, когда он подходил к решетке и смотрел на меня, когда я заходил проведать его.

Электрические искры плясали вокруг него, как мухи, но, казалось, ему нет до этого никакого дела. Я видел гребаные электрические огоньки, белые и голубые, он так и искрился

ими.

Чёрт возьми, а какой у него был тяжёлый взгляд. Его кожа была серой, как мокрый песок, глаза — черные и круглые, как маслины. Он не улыбался, иногда он открывал рот и так и оставался с распахнутой пастью, но точно не улыбался. У него были огромные широкие зубы, абсолютно идентичные, по форме похожие на кубики сахара цвета грязного снега. А прямо посреди его широченного лба у него была татуировка — синяя, отвратная, какие-то загогулины. Не назвал бы ее украшением для тела. Вот че-то вроде такого. — На столе, заляпанном кофейными пятнами, лежали блокнот и карандаш. Кетл взял их и нарисовал пару закорючек.

Похоже на какой-то язык, — сказал Бернад, приблизив рисунок к глазам.

Чертовски интересно, — сказал Тогл. — Но ты меня обманул насчет того, что он ничего не ел.

Не ел, уж поверь. Вот не ел, и все. Готов поклясться своей могилой, не ел!

Просто ты не видел, что он ест, — парировал Тогл. Кетл помотал головой.

Нет! Не ел, и точка.

Как же он вообще туда попал? — Спросил Бернад.

Нам такие вещи не рассказывают, мы всего лишь охранники и лодочники. Лодочник, конечно, один, это я, но какие слухи ходили.

И что за слухи? — Спросил Уилсон.

Угу. Он мог летать и метать молнии, — вставил Тогл. — Ах да, и еще он не ел и пердел пушечными ядрами.

А вот не хочешь — не верь мне, — бросил Кетл.

А я хочу услышать все, — сказал Бернад. — Мы знаем, что в том месте не держат простых воров, насильников и убийц. Там все особенные.

Да я постоянно об этом слышу, — заворчал Тогл. — Но видел я только гробы, опускающиеся в ямы, которые я же и вырыл, где все они гнили, как и все живое.

Но это не значит, что они все обычные преступники, — сказал Кетл. — Правительство содержит эти два острова не просто так. Они хотят быть уверенными в том, что отсюда никто не выберется. К тому же, я повидал немало странного, вот уж ты мне поверь.

Ну а мне кажется, что тебе нравится слушать собственный треп. — Сказал Тогл.

Не без этого, — ответил Кетл. — Но это не значит, что все, что я говорю, ложь.

Ну, давай, расскажи нам о слухах, — попросил Уилсон.

Говорят, его нашли в стене.

В стене? — Переспросил Бернад.

Да-да, в стене, в какой-то старой синагоге в Нью-Йорке, которую собирались сносить.

Разбили стену, а там — он.

Угу, маразм крепчал, — пробормотал Тогл.

Это еще цветочки, — сказал Кетл. — Может быть, это, конечно, чушь, я рассказываю вам то, что сам слышал. Они нашли его в стене. Он стоял там неподвижно, как дерево. Сначала они подумали, что это статуя.

И вот, наконец, мы подбираемся к финалу этой шутки, — засмеялся Тогл. — А потом он взял и всех убил.

А почти. — Сказал Кетл таким тоном, что даже Тогл отпрянул. Понимаете ли, им потребовалась дюжина человек, чтобы поднять его. Они оттащили его на склад, а на следующее утро в стене склада была дыра размером примерно со статую, ну или тело, как

потом выяснилось. А сам он пропал.

Значит, стену проломил, — усмехнулся Тогл, но сарказма в нем явно поубавилось.

Не-е-ет, за складом обнаружили следы шин, кто-то вырезал дыру в алюминиевой стене и стащил тело.

Кому и зачем это было нужно? — Удивился Бернад. Кетл покачал головой.

А я не знаю. Слухи ходили разные, но ответа я не знаю. Кому-то вот понадобилось. Пару дней спустя в Нью-Джерси двух евреев обнаружили мертвыми, а в стене опять была дыра. Ее явно проломил изнутри.

Даже Тогл притих. Кетл снова разлил виски, даже Бернад подставил свою кружку с кофе.

Кетл сделал глоточек и какое-то время сидел молча.

Те два еврея, их что-то связывало с синагогой, мне кажется. Если я правильно понимаю, один из них был раввином. Я не знаю всей правды, только слухи, но тех двоих буквально разорвали на части, одному оторвали голову, а второму — руки и ноги.

Ты же не знаешь, что случилось на самом деле, — сказал Тогл. На этот раз его тон не был язвительным. Ему было любопытно.

Так же я и сказал — только слухи, но тело — это было именно оно — пропало. Что-то пошло не так, оно воскресло и ушло, выломав по пути парочку стен. Говорят, там была просто куча книг, разбросанных повсюду, большинство на древних языках, что-то типа того. Но я повторяю, информация исходила от охраны и обслуживающего персонала, что-то они подслушали, что-то додумали, кто-то сказал кому-то, тот передал следующему. Как игра в испорченный телефон. Так вот, мне рассказали, что его потом нашли, в его руках была нога того парня, и ей он забил несколько бездомных, а остальных разорвал голыми руками. Он убил двух или трех копов, а пули ему были нипочем.

Ну, тут уж ты совсем заврался, — прервал его Тогл. — Это же просто безумие, да кто поверит в такую чушь!

Кетл пожал плечами.

Верь во что хочешь. Я не знаю, как им удалось его схватить, обезвредить и запереть, но все-таки они смогли. И я верю, что он убил копов. И я верю во все, что о нем рассказывают.

Почему? Потому что я видел его своими глазами. Я был радом, я знаю и своими глазами видел, что он ничего не ел. Ты и не обязан мне верить, да мне вообще насрать! Но он не ел, и он не срал и не ссал. Он вообще ничего не делал, просто сидел неподвижно. Что в нем пугало меня до чертиков. И знаешь, что они сделали сегодня? Им пришлось использовать каталку с ремнями, чтобы забрать его из камеры. А он умудрился покалечить несколько охранников, прежде чем им удалось связать его. А пластиковая стена сделана так, что ее можно разобрать.

На каталке были толстенные ремни и металлические скобы, которые его удерживали. А потом потребовалась почти дюжина человек, чтобы усадить его на электрический стул. Да какой там стул, это был сраный трон, увешанный цепями. Я видел все это через окошко в двери. Мне не запрещали смотреть, и я смотрел. Я вам уже говорил, что я предпочитаю знать, какую херню мне предстоит хоронить.

Так вот, они его пристегнули, нацепили на него специально сделанный металлический колпак, в нем он был похож на жуткого Тома (в оригинале Том Террифик — мультфильм, вышедший с 1957 по 1959 гг. Главного героя озвучивал Лайонел Уилсон, также известный по озвучке Старика Юстаса из мультфильма Кураж — трусливый пес — примечание).

Кого-кого? — Переспросил Уилсон.

Да забей, — сказал Кетл.

А потом, — продолжил Кетл, — все отскочили от него куда подальше, не было ни последних слов, ни торжественных речей. Да и зачем, он все равно никогда не разговаривал. А потом по нему шарахнули током, он весь задымился и впервые издал хоть какой-то звук. Это было похоже на вой гигантского волка, только вой был ниже и громче, будто он был из колодца. Я не знаю, как это описать, но у меня кровь застыла в жилах, вот честное слово! Они увидели, что он все ещё жив и почти разорвал одно из креплений на ноге. И дали второй заряд. Из-под колпака вырвалось пламя, опалив ему голову, а он все продолжал выть. И снова дернули рубильник, и снова, как вы сами сказали, я даже забыл о четвертом разе. Наконец, он умолк.

Они приложили стетоскоп к его груди. Он не дышал, но его руки двигались, а крепление на руке держалось на честном слове. Тогда ему на голову надели пакет, он по-прежнему сидел спокойно. По тому пакету я заметил, что он дышал. Они подержали его так еще какое-то время на всякий случай, но пакет не шелохнулся. Больше он не был и не двигался, так что дело было сделано. Они хотели еще раз пустить ток, но решили, что это уже слишком. Они стащили его со стула, сунули в ящик и погрузили на лодку. Ну а дальше, дальше вы сами знаете.

Чертовщина какая-то, — сказал Уилсон.

Ну ладно, удар током он выдержал, — сказал Тогл, — в это я могу поверить, я сам видел, как гас свет. Но в остальное верится с трудом.

А верь во что хошь, — сказал Кетл. — Вертел я твое мнение! Ладно, мне пора возвращаться. Ну что, еще по стаканчику? Желающие есть?

Все, кроме Бернарда, согласились. Они выпили залпом, Кетл поднялся и направился к двери.

Ну, пора мне. — Сказал Кетл. — Оставляю вас наедине с нашим дружкой, закопанным на кладбище.

Я тебя провожу, — сказал Бернард.

Я тоже, — сказал Уилсон.

Ну а почему бы и нет. Делать-то все равно мне уже нехрен.

Когда они дошли до причала, Бернард поймал себя на том, что не может оторвать глаз от могилы номера 489. Табличка будто светилась в лунном свете. Ветер стал ощутимо холоднее, поэтому он, как Уилсон с Тоглом, накинул на себя ветровку. Кетл был в рубашке с коротким рукавом. Ему явно было не холодно, казалось, ему была нипочем любая погода. Они наблюдали, как тот забрался на борт лодки и отчалил.

Море было не спокойно. Лодка направилась в сторону Большого острова, ее фонари удалялись все быстрее. Казалось, что безопасность тюрьмы, забитой до отказа отбросами общества, волновала Кетла больше, чем труп казненного заключенного, похороненного на Маленьком острове в металлическом гробу, обмотанном цепями.

Кажется, надвигается сильный ветер, — проговорил Тогл, когда они отвернулись от причала и побрели вдоль побережья.

Похоже на то, — ответил Бернард.

С тех пор, как я на этом острове, тут ни разу не было шторма. — Сказал Уилсон. — Так, ветер да дождь.

А мы попали на пару, да, Бернард? — Сказал Тогл, и Бернард почувствовал что-то вроде

взаимопонимания между ними. Возможно, из-за виски Тогл стал более дружелюбным, а может, это все последствия рассказней Кетла.

Да, ты прав, застали мы парочку, а точнее, три.

Точно, — сказал Тогл. — Три, три отменнейших шторма. Первый сорвал крышу со стража острова, у нас три месяца ушло на починку. Три месяца нас заливало дождями, такой бардак был потом.

Значит, может быть еще один? — Уточнил Уилсон.

Все может быть, — ответил Тогл, — черт, парень, никогда не знаешь наверняка. Что-то мне не нравится этот ветер, слишком уж холодно, так что может случиться что угодно. Уберу-ка я погрузчик в гараж.

Думаю, так и нужно сделать, — сказал Бернард.

Хорошо, а я пока перекурю, может, даже два раза. Думаю, за это время ветер не унесет наш погрузчик. Скоро все будет сделано.

Бернард и Уилсон продолжили путь к Стражу острова. Тогл повернулся к кладбищу и погрузчику. Уилсон заговорил: Странный он какой-то, не находишь?

Не более странный, чем я сам.

Охотно верю, — сказал Уилсон. — Без обид.

Без обид. Но ты тоже здесь и с нами.

Да, я наделал глупостей и оказался здесь, но, когда выйдет мой срок, я сметаюсь отсюда. Я думал, на острове будет прикольно, но это не так, я уж тут со скуки помираю.

Да уж, не на Гавайи попал, — усмехнулся Бернард.

И то правда, хотя, мне кажется, ноги моей больше не будет ни на одном острове этого мира.

Я ведь не подозревал, как сильно я ненавижу море, пока сюда не попал. А ты? Мог бы уехать отсюда, твой срок-то давно закончился.

Я мог. Я часто думал об этом, но, скорее всего, никуда не поеду. Я больше ничего не умею.

Скажу тебе честно, сынок, если хочешь свалить отсюда, вали и никогда не возвращайся. Если ты вернешься, ты станешь похож на птицу с подрезанными крыльями. Ты будешь помнить, что летал когда-то, но уже не сможешь взлететь. Уходи, пока твои крылья целы.

Да уж не волнуйся, именно так и поступлю, — сказал Уилсон.

Когда они подошли к Стражу острова, Уилсон сказал: Думаю взять журнал с девчонками и от души подрочить.

Я бы обошелся без этого знания.

Да я же просто так, разговор поддержать. Кажется, я немного перебрал. У меня б не встал, даже если бы на моем члене сидела горячая красотка в бикини.

Спокойной ночи. — Отрезал Бернард.

Эй! — Позвал Уилсон, когда Бернард отошел. — Та фигня, которую рассказал нам Кетл, ну о том парне, что мы закопали, то, что не ел, не срал. Ты вообще поверил в это?

Нет. Он сказал, что это всего лишь слухи. Тогл абсолютно прав, Кетл любит послушать себя, он это и не скрывает.

Так ты что, думаешь, он нас разыграл?

Да наверняка. Если честно, я частенько испытывал желание прибить его. Та тварь сидела на стуле, и ее поджарили несколько раз. Может, сбой какой-то был, и только

последние два раза сработали. В одном я не сомневаюсь — кем бы он ни был и что бы ни натворил, он был плохим человеком, а что до остального — плюнь и забудь.

Да, ты прав, я тоже так подумал.

Хотя история отменная, — добавил Бернард.

Да, не то слово. — Уилсон подтянул штаны и направился в свою комнату. Его немного пошатывало, но он дошел до двери и скользнул внутрь. Бернард, убедившись, что Уилсон благополучно добрался до дома, забрался по скрипящим ступеням в свою комнату и, наверно, впервые за время своего пребывания здесь запер дверь. Он подумал о тяжелой железной двери, которая осталась открытой, что крайне его беспокоило. Он надеялся, что Тогл, перегнав погрузчик, закроет ее и запрет на замок.

Бернарду не спалось. Он чувствовал себя вымотанным, но сон никак не шел. Через открытое окно задувал ветер с дождём и трепал занавески. Бернард встал, чтобы закрыть окно, и прежде чем это сделать, он высунул голову наружу и посмотрел в сторону кладбища, их сада костей. Он явственно видел дерево возле причала, погрузчик все ещё был там. Тогл должен был покурить и переставить его, но погрузчик стоял на том же месте. Конечно, вряд ли с ним что-то случилось бы от ветра и дождя, но Бернард чувствовал, что все ж его лучше бы переставить. Наверно, Тогл засел в кабине с фляжкой и продолжает напиваться, а может быть, ушёл домой, забыв о погрузчике, и уснул пьяный на своей кровати. Такое уже случалось. Бернард подумал, что ему не стоит так сильно переживать.

Он закрыл окно и подошел к книжному шкафу. Что-то тревожило его, но он не мог понять, что именно. Он пробежал пальцами по корешкам книг — старых энциклопедий с выцветшими от старости буквами и пожелтевшими страницами. И вдруг он понял: описание заключенного, метка у него на лбу — Кетл назвал ее татуировкой. Он нашел книгу с буквой Г на корешке. Его руки дрожали, когда он осторожно доставал книгу с полки. Он открыл ее на слове Голем. Да, именно об этом он думал, когда слушал рассказ Кетла, но это же было нелепо — големы были еврейской сказкой. Их изготавливали для защиты или выполнения особых поручений, потом они засыпали. Одни легенды гласили, что голем был всего один, сделанный из глины и песка, другие — что их было бесчисленное множество, а сотворить их могли только сильные маги. Маги, Господи Иисусе, о чем он только думает! Бернарда передернуло. Если верить Кетлу, ту штуку нашли в стенах старой синагоги, а потом его украл раввин с приятелем. Их убили, а та хрень пропала. Мог ли это быть тот самый голем? Или его создали недавно и оставили до тех пор, пока он не понадобится? Может, информация о его существовании переходила от раввина к раввину? Может, его оживили, чтобы он выполнил какое-то поручение или отомстил кому-то, как это часто случалось, согласно легендам. А если все так, почему он не выполнил задание? Может, знаний у воришек было недостаточно, и что-то пошло не так в процессе его оживления?

Бернард внимательнее вчитался в книгу. Там было сказано, что голема можно оживить, если написать на его лбу заклинание, Эббе — древнее слово, обозначающее истину. Начертание этого слова также было изображено в книге, очень похоже на загогулины, которые нарисовал Кетл. Его рисунок был больше похож на каракули, но, присмотревшись, Бернард понял, что именно это слово он и пытался изобразить. В энциклопедии говорилось, что, чтобы избавиться от голема, нужно просто стереть символы с его лба. Бернард вздрогнул. Это все какая-то бессмыслица, наверно, на него подействовал виски, который он капнул в кофе.

Рассказ Кетла был нелепицей, Тогл был прав — старик просто потешился над ними или думал, что потешается. Возможно, где-то вычитал о големе, а крупный заключенный напомнил ему об этом. Так что он сиешал правду с выдумкой, и получилась отличная история. Наверно, всю дорогу до Большого острова он покатывался со смеху, думая о том, что хоть и на мгновение, но даже Тогл купился.

Бернард скинул обувь и забрался в постель, не снимая одежды. Он решил повнимательней изучить книгу, но стоило ему начать, как с улицы ему послышался странный звук — что-то похожее на волчий вой. Но на острове не было волков... На острове вообще не было никакой живности, кроме птиц, ящериц и прочей мелюзги, может, пару раз они видели тюленя.

Неужели это ветер так завывает? Или то — рокот беспокойного моря? Но одна и та же мысль не давала ему покоя, хоть он и гнал ее прочь. "Ой, да ладно, — сказал он сам себе, — да не будь дураком. Может быть, это Тогл, наверняка пьяный ублюдок сел в погрузчик и загнал его в море. Да, наверно, так и есть. Погрузчик пошел ко дну, и Тогл теперь плавает кругами и вопит о помощи." Только вот человек не мог издавать такие звуки. Это точно не мог быть Тогл. Скорее всего, это был просто ветер, и Бернарду не о чем было беспокоиться, просто он до сих пор был под впечатлением от истории Кетла.

Он встал, подошел к телефону и набрал Большой остров. Почему-то ему внезапно захотелось связаться с ним. Там не особенно любили неожиданные звонки, но он мог сказать, что его встревожила буря, и запросить прогноз погоды на ближайшее время. Наверняка это бы прокатило.

Тишина... Связи нет. Телефон сдох, что не удивительно. Он всегда отключался, если шел ливень, или дул сильный ветер. Он не знал, почему, но такое случалось каждый раз. Из трубки не раздавалось ни звука. Но это, наверно, к лучшему, телефонный звонок привел бы только к тому, что его бы послали. И о чем он думал, надеясь прикрыться интересом к погоде? Бернард вернулся к окну, распахнул створки и выглянул наружу. Погрузчик до сих пор смутно угадывался рядом с деревом. Тогл определенно не утопил его в море. Он закрыл окно, скользнул в ботинки, накинул дождевик, взял фонарь и спустился по скрипящей лестнице. Он решил захватить с собой Уилсона, возможно, с Тоглом что-то случилось, и ему понадобилась подмога. Дойдя до бульдозера, стоящего в гараже, он остановился, положил руку на холодный металл. Прикосновение будто вернуло его к реальности. В голову лезли странные мысли, а бульдозер был настоящий — груда металла и пластика, которой можно управлять и ехать, куда заблагорассудится. Упругие протекторы, кабина, защищенная от ветра. Это была отличная машина, на всем белом свете, пожалуй, не было бульдозера лучше. Он снова погладил машину. Да, она была настоящей, а голем не был. И в тот момент он почувствовал себя идиотом за подобные мысли. Он уже почти собрался вернуться в свою комнату, как снова услышал тот вой. И даже ощущение металла под рукой не спасло его от того первобытного чувства, которое знакомо человеку, услышавшему необъяснимое в темноте. Волоски на его шее встали дыбом, он почувствовал страх. Он тряхнул головой. Тогл был там, Тогл работал на него. В его обязанности входила забота о нем и Уилсоне, он должен был все проверить, нравилось ему это или нет.

Дверь по-прежнему была распахнута в ожидании погрузчика, на улице шел ливень, но он понимал, что выбора у него нет. Он должен выйти наружу и проверить, все ли в порядке с Тоглом. А вдруг он упал и сломал ногу? Бернард обошел бульдозер, остановился у двери парня и постучал. Уилсон долго не отзывался. Когда он открыл дверь, на нем ничего не

было, кроме боксеров. Он был бледнее смерти.

Ты слышал вой?

Вой?

Ну как будто волк выл.

Так ведь у нас нет волков.

Ну да, волков нет.

Уилсон изучающе смотрел на Бернарда.

В чем проблема, мужик? Я уже собирался ложиться спать. Я так мощно посрал, что аж протрезвел. Ты можешь себе такое представить — обосраться и протрезветь? — Уилсон изменился в лице под взглядом Бернарда. Туалетные дела парня волновали его меньше всего.

Ну ладно, че случилось-то!

Я переживаю за Тогла. Мне стоит проверить, как он там. Я хотел попросить тебя составить мне компанию, но ты, видимо, не особо горишь желанием.

Да твою ж мать, я просто, наверно, перенервничал из-за шторма. Сейчас я приведу себя в порядок, подожди. — Уилсон скрылся в своей комнате, Бернард терпеливо ждал его за дверью.

Через пару минут Уилсон вышел полностью одетый. Он надел дождевик и взял фонарь. Он выглядел несколько помятым после попойки.

Чувствую себя дерьмово, — сказал он.

Я же ведь сказал, что ты можешь остаться.

Да не, все норм.

Они вышли на улицу. Бернард решил, что лучше закрыть металлическую дверь, и запер ее.

Они направились в сторону причала, миновали сад, терзаемый ветром.

Похоже, завтра у меня будет много работы, — бросил Уилсон.

Ну, я мог бы тебе помочь, я хоть и начальник, но не откажусь помочь.

А, все нормально, — сказал Уилсон. — Хоть будет чем заняться. Думаешь, Тогл перепил?

Такая мысль приходила мне в голову.

Это я пошутил про то, как обосрался, не так уж сильно я надрался. Хотя меня немного мутит.

Но вот он мог запросто, я уверен. У него была нычка с бухлом.

Мне кажется, что чтобы напоить Тогла, алкоголя надо много. Он кого хошь перепьет, потому я и волнуюсь. Либо он напился в стельку, либо что-то случилось. Он бы ни за что не остался на улице в такую погоду.

Погода становилась все хуже, буря перерастала в ураган. Бернарду пришлось кричать, чтобы быть услышанным. Ветер подхватывал его слова и уносил вдаль. Они продолжали идти, шаря фонариками перед собой. Наконец, они увидели поваленное дерево возле причала.

Бернард не так давно видел из окна, как оно стояло на месте. Видимо, это случилось только что. Длинные корни дерева трепыхались от ветра, комья земли облетали с них, и ветер разбрасывал их по округе. Погрузчик безмолвно возвышался за деревом, будто какой-то оранжевый динозавр.

Блин, — сказал Уилсон, — мне нравилось это дерево.

Как и мне, — сказал Бернард.

Вот так ветрина, — сказал Уилсон.

Да, ветер сильный, — согласился Бернад. — Но это еще цветочки, скоро будет еще хуже.

Наверно, был резкий порыв, дерево-то вон где. Не могло же оно просто упасть, оно было слишком крепким.

Бернард ничего не ответил, он и сам думал о том же. Они дошли до погрузчика. Это была огромная машина, которой ветер был нипочем. Но все равно, неужели дерево упало из-за ветра? Бернад подошёл ближе, открыл дверцу кабины и осветил фонариком. Ничего.

Только запах кислятины.

Эй! — Позвал его Уилсон.

Бернард выбрался из погрузчика, закрыл дверцу и спустился к Уилсону. Уилсон держал в руке табакерку Тогла.

Она полная, а Тогл не любит разбрасываться добром. Как, впрочем, и мы с тобой.

Бернард осмотрелся кругом.

Он должен быть где-то поблизости.

Да, но где? — Уилсон помотал головой, повернулся и осмотрел упавшее дерево. Вдруг он повернул голову и подсветил фонариком место, куда уперся его взгляд.

Эт что?

Что именно?

Там, среди веток. Я туда свечу.

Бернард ничего не увидел. Уилсон двинулся вперёд, и Бернад пошёл за ним.

Похоже на веревки, — сказал Уилсон, когда Бернад их тоже заметил. Обрывки то ли веревки, то ли лозы запутались в ветвях дерева.

Уилсон раздвинул ветки и взял один обрывок в руки.

Это не веревка. — Он вытащил руку из кроны дерева и осветил фонарем.

Ах ты ж гребаный Иисус на ебаном в жопу пони!

Бернард подошел ближе и осветил на руку Уилсона. Его рука была вся в крови, дождь прочерчивал на ней светлые дорожки. Бернад приблизился к веревкам, осветил на них и наклонился, чтобы лучше их рассмотреть. От них несло. Ветер и дождь прибили запах, но явственно пахло кровью и дерьмом.

Это... кишки. — Сказал Бернад.

Какого черта...

Наверно, это чертово дерево упало прямо на него.

На Тогла?

Нет, на Элвиса Пресли! Ну конечно же, на Тогла!

Вот дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Господи... — Пробормотал Бернад. Они с Уилсоном отступили, продолжая чертыхаться.

Нда, хренов везунчик. — Сказал Уилсон. — А где ж тогда все остальное?

Они обошли дерево, освещая его фонариком, и нашли голову. Она застряла между двух ветвей, рядом лежала одна нога. Бернад наклонился и осветил голову Тогла. Его глаза были широко распахнуты, рот открыт, и язык вывалился наружу и распух. На нем была рана, как будто перед тем, как открыть рот, Тогл прикусил его. Его рот наполнился дождевой водой и кровью. Ошметки плоти и спинного мозга заляпали землю вокруг того места, где должна была быть его шея.

Его...нога, — проговорил Уилсон. — Наверно, когда дерево упало, зацепило его ногу и вырвало ее с мясом. А голова? Есть идеи? Странно все это, честно скажу.

Да уж, — сказал Бернад. — Такого не могло случиться.

Но оно случилось.

Бернард отвел фонарь и увидел следы на мокрой земле.

А это еще что...

Уилсон осветил перед собой.

Следы. Большие следы от ботинок. Тут отпечаток ноги, — сказал Уилсон, — точнее, ботинка.

Верно. Но он не принадлежит Тоглу. Такое чувство, что тут Йети прошелся.

Йети? Твою мать, Бернад, да тут размер ноги, наверно, пятидесятый. У кого может быть нога пятидесятого размера?

У Голема. — Ответил Бернад.

Что!?

Да ничего, просто мысли вслух. Пойдем.

Нам же нужно тело найти.

Найдем. Пойдём, и смотри под ноги.

Слышь, ты меня пугаешь.

Бернард направился к могиле, которую они выкопали сегодня. Повсюду была грязь, а на земле зияла дыра, как будто что-то прочистило себе путь наружу. Яма была огромной, они увидели гроб, точнее, его верхнюю часть, где, по идее, должна была быть голова покойного.

Гроб был широко распахнут, будто его крышку выбили тараном. Повсюду были разбросаны обрывки мешковины, в которую заворачивали трупы, и оранжевой ткани, из которой заключенным шили форму. Цепи были разорваны и безвольно лежали на могиле.

Блин, мужик... — Сказал Уилсон. — Похоже, я все же выпил больше, чем думал.

А я не пил, но вижу то же, что и ты.

Что-то мне подсказывает, что ты думаешь о том же, о чем и я. Эта... Эта штука, чем бы она ни была, проломил гроб, вырвалась наружу, прорыла путь в толще грязи, вылезла на поверхность и убила Тогла!

Я думаю, Тогл пытался сбежать от него, залез на дерево, а эта штука вырвала дерево с корнем и добралась до Тогла.

Да это же безумие!

Оно самое, — ответил Бернад. — Но я не могу выбросить эту мысль из головы.

Уилсон осветил фонариком вокруг.

Это значит, что оно где-то поблизости?

Ага...

Ты сказал какое-то слово, а потом сказал мне "забудь".

Голем...

Точно, это он, та штука?

Да я не знаю, возможно...

И что нам делать? То есть, до Большого острова нам не доплыть, у нас нет лодки. И что теперь?! Я не хочу иметь дело с чем-то подобным. Они не смогли убить его, не шарахнув по нему четыре раза током и не надев ему на голову пакет. Оно вон выбралось из гроба, разорвало цепи, прорыло два метра земли, выломало гребаное дерево, вывернуло Тогла наизнанку, и...этот Голем без труда оторвал Тоглу голову и ногу... Да ебаный в рот!

Так, успокойся.

Да, да, да. Это дельный совет! — Связвил Уилсон.

И думаю, что надо вести себя потише. — Уилсон судорожно сглотнул.

В-вас понял.

Лучше всего будет вернуться сейчас к Стражу острова. Бункер построен из бетона, там железные двери и крепкие замки.

Верно, верно, так будет лучше всего. Но черт возьми, как такое может быть? Все то, что рассказывал Кетл, ну не может же быть правдой!

Боюсь, что может... — Ответил Бернард.

Бернарду показалось, что они целую вечность шли назад к дому. Ему постоянно мерещились тени среди деревьев, но когда он светил туда фонариком, там никого не было. Ему казалось, что что-то крупное шуршит вне зоны видимости, где-то во тьме. Но в свете фонаря он так ничего и не обнаружил. Он был крайне напуган. Страж острова переливался тёплыми огнями, льющими из окон крыши. Наконец они добрались до металлической двери и уже приготовились открыть её, как вдруг Уилсон прошептал: Мы не одни... — Голос Уилсона дрожал.

Бернард посмотрел туда, куда он указывал, он увидел что-то, грамоздкую фигуру среди деревьев неподалёку от бункера. Отсветы фонарей на крыше Стража острова, выхватывали её очертания в темноте. Они оба посветили на неё фонарями, фигура была больше двух метров в высоту и почти полтора метра в ширину и больше напоминала грудку камней. Но не было никаких сомнений в том, что это были не камни и не деревья. Раньше ничего такого там не было, а теперь оно стояло там неподвижно, несмотря на порывы ветра, оно стояло среди деревьев, словно темнота, обретшая плоть, а затем оно пошевелилось, сделало один шаг вперёд и снова застыло.

Сохраняй спокойствие, — прошептал Бернард.

Я не уверен, что получится, — шепнул в ответ Уилсон.

Оно сделало ещё один шаг вперёд, выходя из тени в свет их фонарей.

Оно было огромным. Голова, лишенная шеи, крепко сидела на широких плечах, на ней был пластиковый пакет, через прорехи в оранжевой тюремной форме виднелись части тела существа. Бернарду показалось, что кто-то смешал дерьмо, грязь и весь мусор, какой смог найти, чтобы слепить это пугало. Оно чем-то напоминало человека, но Бернард не видел ничего, что бы доказывало, что это и правда человек. Кетл явно приуменьшал, описывая эту тварь. Она частично вышла на свет, но Бернард не увидел её глаз, у неё были тяжёлые надбровные дуги, и глаза оставались в тени, как будто кто-то надел на него повязку, к тому же рассмотреть их мешал грязный пакет. Нос существа напоминал холмик, оттопыренные уши расположились по обеим сторонам его головы, у него был широкий рот, будто прорезанный ножом, губы были тонкими и тёмными. Бернард медленно потянулся к дверной ручке, повернул её и приоткрыл дверь. Уилсон скользнул внутрь с изяществом жидкости, заливаемой в воронку, Бернард поспешно последовал за ним, лишь на мгновение обернувшись на существо. Оно до сих пор не двигалось, только смотрело на него своими затенёнными глазами, будто хотело запомнить, как он выглядит. Бернард хлопнул металлическую дверь и запер её.

Пятнадцать сантиметров стали, — сказал Бернард.

Что-то мне вдруг показалось, что маловато...

Что-то мне тоже... Непроизвольно они попятнулись от двери к бульдозеру.

Что такое голем? — Спросил Уилсон. — Хотя нет, я даже знать не хочу.

Бернард кратко пересказал ему прочитанное в энциклопедии. — Ладно, и кто из нас возьмёт мокрую тряпку и смочит ту дрянь с его лба? — Спросил Уилсон. — Сомневаюсь, что у нас получится. — Да я тебе больше скажу, его и ракетой не остановишь, ты видел, какая громадина! Мне кажется, он обезумел, иногда с ними такое случается, в энциклопедии писали, что иногда у них едят крыша, они сбегают от хозяев и устраивают всяческие беспорядки. — Это ты что? О нашем приятеле? Сомневаюсь, что слово "беспорядок" тут уместно! погоди, ты всё это в книге вычитал? Не в каком-то паршивом комиксе. — В энциклопедии. — Мда, но нам от этого не легче, мы ведь говорим о штуке, которую невозможно убить? — Ты же сам его видел, — сказал Бернард.

Да, что-то я определённо видел, но не уверен, что именно. — Если верить легендам, убить его всё-таки можно, только вот способы везде указаны разные. — Вот что-то мытьё лбов меня не вдохновляет. Электричество? Ведь его же удалось убить его с помощью электричества? И мы могли бы устроить нечто подобное. — Они только обездвижили его, только и всего. — А тот пакет? — Ну как можно задушить то, что не дышит? Ничего не помогло. Он никогда не был живым в общепринятом смысле, ну и мёртвым я бы его тоже не назвал. — В нашем положении вариант обездвижить его кажется не таким уж и плохим, — сказал Уилсон. — Чёрт, я всё никак не могу разобраться в случившемся. — Да не в чем тут разбираться, Голема лепят из глины и оживляют с помощью магии. — Магии? — В каком-то роде, — ответил Бернард. — Думаю, на свете много вещей, которых мы не понимаем, и, думаю, мы их называем магией. — Знаешь, от того, что ты назвал это магией, мне легче не стало. — Сынок, я знаю не больше твоего, я знаю только то, что на этом острове держат худших из худших. Да и Кетл всегда говорил, что заключенные — не обычные злодеи, что-то иное.

Значит, они могут держать там кого угодно? Если это голем, то почему не могут существовать оборотни, вампиры или единороги какие-нибудь. — Эта штука крайне необычная, я-то присутствовал на казни, они всё сделали по правилам, человек умер... Но вот это? Они слышали громкий стук в дверь. Бернард и Уилсон переглянулись. — Вот же гамна кусок, — выругался Уилсон. На двери остались вмятины. — Ему эта дверь не страшнее фольги, — сказал Уилсон. — Ну, он её помял, но ведь не сломал. — Угу, а теперь ты хочешь остаться тут и посмотреть, сможет ли он её выломать? — Я, я бы так не сказал, но если мы поднимемся наверх, то мы окажемся в ловушке. Грохот становился всё громче. Металлическая дверь стонала под ударами. — Сбежим через заднюю дверь! — Предложил Бернард, в его голосе скользнули визгливые нотки. — А потом что? — Хороший вопрос, погоди-ка! — Бернард просветлел. — У нас ведь есть собственный голем! Это бульдозер! В кабине было множество рычажков и кнопок, с которыми Бернард управлялся без труда, но сейчас, когда они оба оказались запертыми, как крысы в коробке, окружённые стеклом, он с трудом мог отличить правую руку от левой. Грохот у двери отвлекал его, удары Голема по металлу эхом раздавались по комнате, не давая сосредоточиться. Уилсон сидел на соседнем сидении, и Бернард чувствовал, как тот дрожит всем телом. Громко шумел двигатель бульдозера, гремели цепи. — Ну и какой же наш план? — Спросил Уилсон. — Ну что же, — сказал Бернард, — здесь мы точно не останемся. В металлической двери появилась дыра, и пальцы, похожие на тёмные корни дерева, появились в отверстии. На мгновение Бернарду показалось, что он увидел лицо твари. Он включил фары бульдозера, и свет залил помещение. При свете фар Бернард разглядел огромный чёрный глаз, уставившийся на него

через дыру в двери. Кетл ошибся, сравнил его с оливкой, он больше напоминал обуглившийся булыжник. — Ну что же, давай-ка проверим, какое творение рук человеческих окажется сильнее, — сказал Бернад. Он потянул за рычаг, бульдозер дёрнулся и задымился, в воздухе запахло палёным. — Я же ведь знаю, что делать, — сказал Бернад, — я всегда умел, раньше мне было страшно, но я ведь научился.

А я могу управлять только погрузчиком, с этой штукой всегда управлялся Тогл, так что тебе придётся самому, — сказал Уилсон. — Да, я сам обучал и тебя, и Тогла, а сейчас ни черта не помню... Внезапно он всё вспомнил, знание пришло к нему, как если бы вы спустя много лет сели бы на велосипед. Он ловил ритм двигателя, поднял ковш и газанул.

Машина двинулась вперёд, набирая скорость, врезаясь в металлическую дверь, как реактивный снаряд с ковшом, нацеленным на дверь и стоящего за ней Голема. Столкновение было подобно попытке сдвинуть гору. Бернад сделал всё, что мог, бульдозер взвизгнул, ковш помялся, воздух заполнился запахом гари. Дверные петли погнулись, и на секунду Бернаду показалось, что бульдозеру пришёл конец. Но машина, шкрябнув ковшом по бетонному полу, продолжала двигаться вперёд, дверь слетела с петель, и бульдозер проехал по ней, утрамбовав Голема, лежавшего под дверью в грязи. Переехав холмик, возникший из-за Голема, погребённого под металлом, бульдозер двинулся дальше. Бернад не прекращал давить на газ, Уилсон обернулся, чтобы оценить обстановку. Дверь зашевелилась... — Он её отбросил! Господи! Да он встаёт! Он за нами идёт! Бернад резко свернул к бексенанскому саду, сминая колёсами ограждения и грядки, давя помидоры, огурцы, цветы и тыквы.

Прости, — тихо сказал Бернад. — Как-нибудь переживу. — Он что всё ещё идёт за нами? Уилсон обернулся — Да, и должен сказать, он чрезвычайно шустрый для такой-то машины. — Ну что же, посмотрим, смогу ли я задать жару нашему малышу. Бернад переключил несколько рычажков, и, на удивление, всё сработало так, как ему было нужно. Бульдозер стал набирать скорость, как вдруг Бернад резко затормозил. — Что ты творишь? — Разворачиваюсь! Кабина бульдозера повернулась вокруг своей оси на шарнирах, колёса увязли в грязи, теперь они повернулись лицом к Голему. Ярко горели фары, тварь приближалась к ним. Он двигался быстро, но как будто бы яркий свет фар замедлил его, казалось, что весь мир вокруг них замедлился, а Голем был похож на жука-переростка, увязшего в янтаре. Он передвигался без особых усилий, размахивая огромными руками, его гигантские ступни поднимали кучи брызг, наступая в лужи, образовавшиеся из-за дождя. Громко завывал ветер, ливень бил по стёклам кабины. — Приготовься! — Крикнул Бернад. — Ааа, разве не то же самое говорят ирландцы своим женам в первую брачную ночь! — Сказал Уилсон, он явно пытался разрядить обстановку, но шутка повисла в воздухе. — Может быть, и так, — наконец ответил Бернад. Он нажал на педаль, бульдозер двинулся вперед. Бернад отрегулировал ковш так, чтобы видеть голову Голема, который стремительно увеличивался в размерах по мере приближения. Со стороны они выглядели, как два гиганта, спешащие навстречу друг другу. Они столкнулись. Бульдозер затрясся и откатился назад, но потом снова поехал вперёд. Огромная рука появилась под ковшом, затем вторая, а потом и голова Голема. На ней виднелась вмятина в том месте, куда пришёлся удар кромкой ковша. Отметина на лбу едва угадывалась в слабом отсвете от лампы в кабине. Голем стал подтягиваться на ковше, пакет на его голове порвался и перекосялся.

Бернад резко поднял и опустил ковш в надежде зацепить Голема, может быть, у него и получится, он не знал наверняка. Голем прилип к ковшу, как пиявка, пакет окончательно порвался, и ветер унес его обрывки. Бульдозер по-прежнему двигался вперёд, они уже почти

достигли бункера.

Бернард продолжал поднимать и опускать ковш, пытаясь сбросить незваного наездника, но у него ничего не выходило, Голем держался крепко. Они врезались в стену бункера, зажав Голема между ковшом и бетоном. От столкновения Уилсона отбросило назад, носки его рабочих ботинок разбили лобовое стекло. Бернард выпустил из рук рычаги, но тут же снова схватился за них. Уилсон сел на своё место рядом с ним, по его лицу стекала кровь. — Ну как ты, в порядке? — Спросил Бернард. — Ка-а-ажется, я сломал нос. Свет от фар плясал на стене, рисуя причудливые тени, Бернард не убирал ногу с педали газа, продолжая толкать бульдозер вперёд. Сцеплению пришёл конец. Бернард сразу это понял, но не останавливался. Наконец, бульдозер двинулся с места, но не туда, куда направлял его Бернард. Машина сдвинулась назад, Бернард выжимал из двигателя всё, чтобы ехать вперёд, но они двигались в другую сторону. — Какого же хуя! — Взвизгнул Уилсон. — Он пытается оттолкнуть нас, а я пытаюсь его задавить. — У него не получится! — Выкрикнул Уилсон. Но у него получалось. Голем отталкивал бульдозер, ему удалось встать на ноги и освободить руки, и теперь он отпихивал бульдозер от стены. Бернард снова развернул кабину, чтобы двинуться в другом направлении. Он переключил передачу и двинулся вперёд. Когда он разворачивал кабину, ковш повернулся вместе с ней, протащив Голема вдоль стены, оставляя на ней следы серой глины или того, из чего он был сделан. Наконец, Бернарду удалось стряхнуть тварь с ковша. Бернард втопил педаль газа, и они скрылись в темноте. Уилсон обернулся, Голем валялся на земле, но вот он снова начал подниматься, хотя это и было невероятно. — Это совсем дерьмово, — сказал Уилсон. — Именно об этом я и пытался тебе сказать, он как грёбанный монстр Франкенштейна, — сказал Бернард, направив бульдозер к неосвященному клочку земли, прикрытому порослью молодых деревьев неподалёку от Большого спуска. Они остановились, развернулись, и Бернард выключил фары — Не нравится мне это, — сказал Уилсон. Бернард почувствовал, как мурашки побежали по его спине, за ночь им пришлось не мало пережить, но сейчас ему предстояло управлять бульдозером в полной темноте. Рядом был Большой спуск, а за ними гналось существо, которое просто не могло быть настоящим. Но оно было... — Может, так он нас не заметит, — наконец выдавил из себя Бернард. — А может быть, мы навернёмся с Большого спуска, — ответил Уилсон. — Господи, да я знаю это место, — попытался успокоить его Бернард, — сейчас мои глаза привыкнут к темноте, справа будет роща, слева — спуск, между ними куча пространства. — Давай, главное, не сойти с дороги. — Это сомнительное утешение, дорога здесь погибает... Я знаю, и ты знаешь, что я знаю, то есть я в курсе, что она погибает. Блин, мужик, я же ни хрена не вижу, я здесь дольше тебя, я знаю это место, как свои пять пальцев. Уилсон повернулся на сиденье и посмотрел назад. — Если он и идёт за нами, то я его не вижу. Может, отстал? — Сомневаюсь, что он отстанет, — сказал Бернард. — Это машина для убийств, он слетел с катушек и будет убивать до тех пор, пока все не умрут, и не останется никого, кого можно было бы убить... — Эх, смеху будет, приплывёт такой Кетл с припасами, а эта хрень ждёт его у причала с нашими оторванными башками в руках. Хотя нет, что-то не забавно, вообще ни разу. Чёрт, Тогл спрятался от него на дереве, а он вырвал его с корнем и достал его, знаешь, уж лучше я прыгну со скалы, лучше умереть так, чем в лапах этого чудовища, сделанного...из чего, ты говоришь, их там делают? — Глина, земля. Он довольно долго хранился в стене старой синагоги, возможно, его привезли туда ещё в давние времена, наверно, кто-то узнал о нём, возможно, тот раввин, и он решил освободить его, вдохнуть в него жизнь. Уже никто не узнает, зачем он это

сделал. В любом случае, мы в полнейшей жопе.

Бернард, а может, всё таки включим свет? — Рано ещё. — Бернард развернул бульдозер, слишком резко для машины таких габаритов, и теперь они смотрели в темноту. Бернарду казалось, будто он знает, что он делает и где он сейчас. Но то были только подозрения, и не больше. Они ни во что не врезались, не сорвались с обрыва в бушующее море, они осторожно двигались по дороге, пролежавшей между деревьями и скалами, наконец, Бернард выключил двигатель. — От того, что мы остановились, стало ещё страшнее, — сказал Уилсон. — Говори тише. Бернард открыл дверцу кабины, осторожно выбрался наружу и тихонько прикрыл дверь. Уилсон сделал то же самое со своей стороны. Бернард двинулся в том направлении, откуда они только что приехали. Уилсон нагнал его и пошёл рядом, ему было слишком страшно оставаться в одиночестве. Они дошли до того места, где бульдозер проломил стену из деревьев, когда они убегали от Голема. Рядом была рощица низкорослых деревьев, сразу за ней росли более высокие. Именно там они и спрятались, осторожно раздвинув ветки, чтобы лучше видеть происходящее.

Ветер почти стих, дождь закончился, луна изредка выглядывала из за тяжёлых серебристых облаков. Лунный свет падал на скалы метрах в трёхстах от них, лёгкий и призрачный, как пёрышко. От воды поднимался пар, как от чашки горячего кофе в морозный день. Стоя там, они увидели медленно плетущегося Голема. Он шёл по краю Большого спуска, не поднимая головы. В его походке было что-то, что напомнило Бернарду о тех моментах, когда он стоял на краю обрыва и смотрел вниз, размышляя, не прыгнуть ли ему со скалы и навсегда покинуть этот мир. Мог ли Голем думать о том же? Мог ли он вообще думать? У него определённо были некие зачатки разума, пусть его целью и были лишь разрушения. Они продолжали наблюдать. Голем сорвал с себя остатки тюремной одежды и с ворчанием бросил их на землю, всего за пару движений он остался обнаженный. Даже с того места, где они прятались, они могли видеть его член и мошонку, тёмные, обвисшие, будто его создатель хотел посмеяться над человеческой сексуальностью. Он медленно поднял голову и посмотрел на луну, частично скрывающуюся за облаками, а затем раздался вой. Тот самый, леденящий душу вой вырывался из Голема, он пугал и навевал печаль, он был похож на вой того, кто понял, что только что потерял что-то очень важное, и осознание этой потери повергало душу искавшего в такую пучину безысходности, что выбраться из неё не представлялось возможным. Этот звук заставил Бернарда почувствовать всё зло этого мира, всю грязь и разочарование в жизни, в его собственной жизни.

Этот вой пробрал его до глубины души, пробудив в нём то, что он так долго пытался забыть.

Бернард почувствовал, что его жизнь, жизнь тех, кто жил раньше, живёт сейчас и будет жить когда-либо — ничто, только бесконечная череда страданий. Вой поднимался из груди Голема, поднимался в небо и, казалось, заполнил его. Бернарду показалось, что даже луна покрылась рябью, но это всего лишь он сам дрожал. Он чувствовал себя опустошенным, как будто его переполнила пустота. Как же такое может быть? Как можно переполниться пустотой? Это было такое странное чувство абсолютной пустоты, почти что вакуума, но у этого вакуума был вес и объём. Довольно противоречивые чувства и довольно необычные, в тот момент Бернард почувствовал небывалую жалость к Голему; не такую, чтобы пожелать ему развеяться на берегу моря с коктейлем с бумажным зонтиком, но такую, чтобы пожелать ему смерти. Своим воем он будто умолял об этом, умолял о быстрой смерти, которая бы освободила его от этой ужасной бездушной оболочки, в которую он был заключён ради

единственной цели — уничтожить всё вокруг. Казалось, что вой длится целую вечность, но вот Голем медленно опустил голову, а затем ещё медленней повернул её в сторону их укрытия, уставившись будто прямо на них. Он медленно наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую.

Но ведь он не может нас видеть? Здесь слишком темно, — прошептал Уилсон. — Он не человек... Ему плевать, темно на улице или нет. Уилсон, беги! Голем перешёл на рысь, Бернард и Уилсон бросились к бульдозеру. Краткая передышка подошла к концу, и Бернард проклинал себя за своё любопытство, а им стоило остаться возле бульдозера, но он понимал, что в этом не было смысла, ничего бы не изменилось. Голем всё равно нашёл бы их, они не смогли бы спрятаться ни на этом острове, ни на материке. Раз уж он нацелился на тебя, он не остановится, пока не добьётся своего, ему всё равно, сколько жертв придётся принести ради выполнения своего предназначения. Бернард и Уилсон забрались в кабину бульдозера.

Бернард спросил: — Тебе доводилось когда-нибудь играть в ковбоев? — Чего? — Ты когда-нибудь связывал корову? — Ну, разумеется, нет, но если бы ты рассказал мне об этом поподробнее, я был бы чертовски признателен, хотя избавиться от этой сраной штуковины я был бы рад ещё больше. — Достань цепь, сделай петлю. Тебе предстоит заарканить его. Бернард завёл двигатель, а Уилсон пошарил за задним сиденьем и достал железную цепь длиной почти шесть метров. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы перетащить её на переднее сиденье. — Сделай петлю, используй скользящий узел. В ящике с инструментами есть замок, достань его икрепи его так, чтобы петля была регулируемой. Уилсон неуклюже принялся за узел, казалось, что его пальцы приспособлены к такой работе не больше, чем сосиски. — По-моему, это худшая из твоих идей, — произнёс Уилсон. Бульдозер уже ехал в сторону Голема, фары его ярко светились. Они ждали, когда чудовище появится в зоне видимости. — Почему я занимаюсь этой хуйнёй? Бернард проигнорировал его. — Когда мы его увидим, я разверну кабину, ты останешься сзади. Когда эта тварь попытается залезть к нам, чтобы оттяпать наши головы, тогда ты набросишь цепь ему на шею, для этого и нужна петля. — Ха, может, мне ему ещё и пару фокусов показать? — Если тебе так угодно, — ответил Бернард, — но я б не советовал. — Мать твою, дерьмо, — выругался Уилсон. Бульдозер продолжал движение, и они увидели Голема, бегущего им навстречу. Бернард резко затормозил, Уилсон открыл окно, вытащил цепь и частично вылез наружу сам. — Ты мог бы закрепить цепь на сиденье, — заметил Бернард.

Ой, — сказал Уилсон. Он залез обратно, наклонился и попытался закрепить цепь. — Ты всё?

Пожалуйста, скажи, что ты всё. — Ещё нет...

В этот момент Голем врезался в ковш бульдозера, заведомо поднятого вверх. В момент столкновения Бернард опустил ковш и сбил Голема с ног.

"Отличная работа для отличных парней. " — Подумал Бернард. — Закрепил! — Крикнул Уилсон.

— Отлично! Когда он поднимется, я развернусь, твою ж! Он уже... Голем уже практически поднялся на ноги, Бернард занёс ковш, будто для нового удара, но внезапно дёрнул рычаг и развернул кабину так резко, что Уилсон потерял равновесие. Уилсон поднялся на ноги как раз тогда, когда Голем принялся карабкаться по задней части бульдозера. Уилсон бросил петлю, цепь была тяжёлая, и он сразу же понял, что облажался и ничего из этого не получится, но он был прав только наполовину. Петля оказалась слишком большой и охватила не только голову Голема, но и одну руку, застряв где-то в районе

подмышки. Бульдозер двинулся вперёд с неожиданной для Уилсона прытью, машина подпрыгивала, петля затягивалась, Бернард переключал какие-то рычаги, бульдозер резво потянул Голема за собой.

Бернард взял левее и резко свернул, Голем, опоясанный цепью, ударился о дерево с такой силой, что оно хрустнуло, а они поехали дальше, волоча за собой Голема по направлению к Большому спуску. Дерево снова громко хрустнуло и рухнуло, придавив Голема и задев кабину бульдозера. Его ветки разбили стёкла, обдав Уилсона дождём осколков, и тот упал на пол. Лёжа на полу, Уилсон выкрикнул: — Цепь, она соскальзывает! — Нет! — Ответил Бернард. — Это сиденье. Бернард встал, и в этот момент сиденье вырвалось и врезалось в окно заднего вида, выбив при этом остатки стекла из рамы, где и застряло. Управлять бульдозером стоя оказалось крайнее неудобно, так что Бернарду пришлось приноровиться. Они вырвались из тёмного леса на залитый лунным светом утёс. Кое-как Уилсон встал, держась за приборную панель. — Я надеюсь, ты собираешься свернуть? — Нет! — Ответил Бернард. — Мы будем прыгать. — Блять, мужик, я не хочу прыгать! — Приготовься, — сказал Бернард и открыл дверь кабины — Я не собираюсь прыгать! — Запротестовал Уилсон. — Раз, — начал отсчёт Бернард. — Какую часть предложения "Я не буду прыгать" ты не понял? — Два...

Твою мать! — Уилсон открыл дверь со своей стороны. — Три! Уилсон выпрыгнул, он приземлился довольно далеко, но Голема так болтало на цепи, что он неумолимо приближался к Уилсону. У него не было времени подняться на ноги. Голем попытался схватить Уилсона, но стремительно пролетел мимо. А вот цепь — нет, она зацепила Уилсона за плечо, подбросила его в воздух, и его обожгло болью. Уилсон перекатился, посмотрел на бульдозер. Бернард всё ещё был внутри. — Прыгай! — Заорал Уилсон. Бульдозер достиг края обрыва и накренился под весом ковша, в этот момент Бернард выпрыгнул из кабины. Уилсон видел прыжок, но не видел, как тот приземлился, бульдозер продолжал крениться вниз и наконец рухнул с обрыва, утянув за собой цепь и Голема. Голем цеплялся руками за землю, оставляя глубокие борозды в грязи, и на самом краю обрыва он умудрился схватиться за камни и...

"Господи..." — Пронеслось в голове у Уилсона — О нет... Голем держался, держался на краю обрыва, несмотря на тяжесть бульдозера. Он пытался выбраться. Уилсон заметил Бернарда, тот благополучно приземлился после прыжка. Он направился к Голему. Бернард добежал до Голема, пытающегося подтянуться вверх. Он поднял один из огромных камней, разбросанных по утёсу.

Он нес его с большим трудом, у него заныла спина, скрутило яйца, но он прижимал камень к груди, а затем бросил камень на голову Голема. Голем ослабил хватку, и затем тяжесть бульдозера протянула его вниз. Бернард наблюдал, как бульдозер с привязанным к нему Големом падал в море. Он торжествующе усмехнулся. — Вот же ж блять, — только и успел сказать он, когда его ноги подкосились. Одна нога была сломана, и он наконец это почувствовал, наверно, страх и мощный выброс адреналина притупляли боль, но сейчас она стала невыносимой. Но он подумал: "Я хотя бы чувствую боль, значит, я ещё жив." Он лежал на животе на самом краю обрыва и смотрел, как бульдозер с Големом скрываются под водой.

Уилсон подбежал к нему. — Мы справились? — Да, — ответил Бернард, — мы справились. — Отлично, я в этом не сомневался... — Да неужели? — Ну, может, пару раз, но всё же закончилось хорошо.

Слушай, сходи к погрузчику, у меня нога сломана... — Чёрт. — Ага, и не говори, — сказал Бернад, — сходи за ним и отвези меня к Стражу острова, кроме тебя это сделать некому. — Но я не умею. — В ковбоев ты тоже раньше не играл, но ведь смог. — Да, ты прав, я такой. Жди здесь. — Угу, а где же ещё, — съязвил Бернад. Уилсон убежал. Бернад снова посмотрел с обрыва вниз, он думал о Големе. Он был глубоко под водой в темноте, опускаясь всё глубже под тяжестью бульдозера, ему определённо конец. Он почувствовал, что возбуждение отступает, действие адреналина заканчивалось, и наступала адская боль. Он ещё долго лежал, чувствуя себя всё хуже и хуже. Он снова опустил взгляд с обрыва и увидел невозможное...

Голова Голема поднималась из бурлящего моря, его руки цеплялись за скалы, он с трудом карабкался вверх. Бернад помотал головой, он решил, что у него начались галлюцинации, но нет, он видел то, что видел. Голем взбирался по Большому спуску, впиваясь пальцами в острые уступы, медленно, но неумолимо он поднимался. Он по-прежнему был обвязан цепью, с которой сверкающими каплями стекала вода, а на другом конце цепи болтался бульдозер, будто детская игрушка на верёвочке. Бернад знал, что бульдозер весил почти пять тонн. Но Голем поднял его со дна и тащил за собой. Только сейчас он понял, что испытывал Уилсон. — Это же невозможно, просто невозможно! Но Голем поднимался по скале и тащил бульдозер с таким видом, будто он тащит детский велосипед в горку. Бернад попытался встать, но не смог, нога не слушалась, он подумал, что мог бы отползти, но его бы это не спасло. Учитывая скорость подъёма Голема, он и до ближайшего бы дерева не дополз. Он услышал шорох колёс погрузчика по гравию и рёв мотора. Бернад перекатился и увидел свет фар погрузчика.

Уилсон остановился, оставив свет фар включённым, выбрался из кабины и резво подбежал к Бернаду. — Посмотри, — сказал Бернад и указал рукой на край обрыва. Уилсон посмотрел.

Бернад поднял голову и увидел, как побледнел Уилсон. — Чёрт! — Воскликнул Уилсон. — Нам нужно спешить! — Куда? — В бункер! — Ну он же придёт за нами, это всего лишь вопрос времени. — Ага, зато мы проживём на пять минут больше, а ну вставай. — Ты должен прикончить его.

Я? — Переспросил Уилсон. — И как, прочитаю ему лекцию? Вот уж нет, приятель, мне нечего ему поведать. И вообще что я могу сделать, ты пойдёшь со мной. — Уилсон опустился рядом с Бернадом. — Нет, послушай меня, его лоб, отметина на нём, ты должен стереть её. — Ага, значит, сейчас он сюда заберётся, я возьму ножик, соскоблю с него символы, и всё будет заебись? Таков твой план? Пока что от твоих планов нам было мало проку, а конкретно этот худший из всех. — Ну ты же ведь освоился с погрузчиком. — Я не Тогл, я не ты, но, по ходу, всем насрать, я тут что, экзамен по вождению сдать должен? Ты точно только ногу повредил?

Бернад снова посмотрел вниз, Голем медленно приближался, его пальцы врезались в камень, как в мягкую штукатурку. — Послушай, сынок, из-за ноги я не смогу взять управление на себя, ты ведь как-то сюда доехал и сможешь управляться с подъёмным механизмом, я наблюдал за тобой, ты сможешь опустить ковш и соскрести символы с его головы кромкой. — Честно говоря, это хреновая идея, это же полный отстой. — Мне кажется, достаточно только частично соскрести слово. — Тебе кажется? — Уилсон, у нас нет другого выбора, нужно попробовать, и, если мы спрячемся в бункере, мы лишь ненадолго отсрочим смерть!

Вообще-то именно это я и планировал сделать. — Когда он поднимется ещё немного, ты должен быть готов. — Блин, мужик, я ведь хотел дожидаться конца службы, сидя в саду среди цветочков, — Уилсон вздохнул, посмотрел вниз со скалы. — Боже мой... Бернад тоже посмотрел вниз. Сиденье, застрявшее в окне кабины бульдозера, сломалось, у них на глазах оно выскользнуло из рамы разбитого окна, и бульдозер упал в воду, подняв тучу брызг и моментально исчезнув в пучине моря. Сломанное сиденье болталось на цепи, как маятник.

Голем, обремененный лишь цепью и сиденьем, стал карабкаться быстрее. Уилсон помог Бернаду встать и дойти до погрузчика, Бернад облокотился о кузов, и Уилсон посадил его.

Морщась от боли, Бернад уселся, Уилсон залез в кабину вслед за ним. — Я мог бы направлять твои действия, но ты и сам справишься, — сказал Бернад, — ты ведь уже всё понял. — Блять, блять, блять, — приговаривал Уилсон. — Расслабься, — сказал Бернад. — Ага, тебе легко говорить. Уилсон взял управление на себя и медленными рывками двинулся вперед. — Что-то я очкую, — пробормотал Уилсон. — Не спеши, — сказал Бернад, — медленно и осторожно подъезжай к краю. — Да брось, Бернад, ты и вправду считаешь, что эта твоя утешительная поебень поможет? — Во всяком случае, я надеюсь на это. — Ну ладно, не повредит, это уж точно. Уилсон подъехал к краю обрыва, над которым появилась голова Голема, словно мёртвое почерневшее солнце. Уилсон с размаху опустил ковш ему на голову, раздался звон, чудовище скрылось за краем обрыва, на виду остались только его руки, продолжающие загребать землю. Уилсон поднял ковш в ожидании, когда голова монстра снова поднимется в поле зрения — Недостаточно просто лупить его по голове, — сказал Бернад, — нужно соскрести, а иначе ты его просто сбросишь, и он опять залезет наверх. Но это не удержало Уилсона от того, чтобы снова ударить Голема ковшом по голове, тот опять исчез за краем обрыва, но не ослабил хватки. — Я же сказал, это бесполезно, — сказал Бернад. — Мы же не играем в "убей крота". — Я знаю, но это чертовски приятно. Уилсон немного сдал назад и опустил ковш, голова снова появилась над обрывом, он поехал вперед, прицеливаясь ковшом Голему прямо в лоб, но тот повис на одной руке и неожиданно выкинул вперед вторую руку, схватил её за кромку ковша и начал трясти погрузчик, раскачивая его из стороны в сторону. — Срань господня, Бернад, тут-то я тебя и покину, не настолько у меня большие яйца.

Бернад достал из кармана перочинный нож и обнажил лезвие. — Да ты шутишь, — сказал Уилсон. Бернад сунул нож в зубы, открыл дверь и выбрался наружу, подвывая от боли. Он упал на раму подъёмного механизма, больно ударившись яйцами. Но хотя бы на мгновение он забыл о боли в ноге. Бернад пополз вперед. Голем тряс погрузчик, как детскую игрушку. — Нет! — Заорал Уилсон. — Не делай этого! Бернад долез до ковша, перебрался через него и оказался прямо на голове Голема. Одну ногу он перекинул через его грудную клетку, а вторую, сломанную, он оставил висеть вдоль спины, нога вывернулась под неестественным углом. Если бы Голем упал, Бернад бы упал вместе с ним и разбился о скалы. Уилсон попытался сдать назад, но Голем удерживал ковш погрузчика. Но недолго, он отпустил погрузчик и потянулся к Бернаду свободной рукой. Бернад достал изо рта нож и принялся скрести символы на лбу чудовища. Голем взвыл тем самым диким бездушным воем, но Бернад не обратил на это внимания. Ему было уже не так страшно, как раньше, в этот раз ему показалось, что это был вой ужаса, ранее неведомого Голему. Уилсон немного поднял ковш и подкатился немного ближе, чтобы Бернад мог забраться в него. Бернад бросил нож и обеими руками схватился за кромку ковша, и, несмотря на то, что сломанная

нога зацепилась за голову Голема, а затем больно ударилась об металл, он забрался в ковш. Уилсон дал задний ход и откатил Бернарда от края обрыва, он посмотрел на Голема, глазам его предстало удивительное зрелище. На фоне восходящего солнца, окрасившего небо в розовый цвет, голова Голема отвалилась от туловища. Безголовый Голем подтянулся, закинул ногу на утёс и взобрался окончательно, выпрямившись во весь рост. — Ну охуеть теперь, — сказал Уилсон. От рук Голема стали отваливаться пальцы, они сыпались на землю, как собачье дерьмо, его член, похожий на дубинку полицейского, отвалился, яйца, более похожие на гнилые яблоки, тоже упали на землю, руки отвалились от туловища, колени взорвались, его торс наклонился назад и упал с обрыва. Уилсон так и сидел на своём сиденье, он позвал: — Бернард. — Тишина. — Да, — наконец, отозвался Бернард.

У тебя всё хорошо? — Всё в этом мире относительно. — Ты цел? — Я тут вздремнул немного, всё в порядке, только очень больно, нога и яйца жутко болят. Уилсон опустил ковш и помог Бернарду выбраться. — Нужно отвезти тебя к Стражу острова. — Не сейчас, помощи-ка. Уилсон подставил Бернарду плечо и помог ему доковылять до края обрыва. Повсюду были разбросаны части тела Голема, что-то упало вниз со склона, но волны скоро всё смоят. Из нежно-розового небо стало багряным, из-за чего морская вода стала похожа на лаву. — Похоже, мы справились, — произнёс Бернард. — Не говори вслух, — сказал Уилсон, — сплaziшь ещё. Он отвел Бернарда обратно к погрузчику, в этот раз помочь забраться ему было труднее, нога была в ужасном состоянии, а Бернард будто стал намного тяжелее. — Кажется, не очень я и цел, — сказал Бернард. — Ага, я почему-то так и думал. Прости, я собирался бросить тебя одного и чуть не сделал это. — Но не сделал ведь, так что не считается. Когда Бернард занял своё место в кабине, Уилсон вылез из погрузчика. Он подошёл к тому месту, где лежали останки Голема, и один за другим выбросил их в море, член и яйца он оставил напоследок. Пенис он швырнул так далеко, как только мог, и с удовольствием наблюдал за его полётом, затем пинком отправил и яйца с обрыва. Он подошёл ближе к краю и посмотрел вниз, несколько обломков Голема застряло в камнях, но большую часть уже смыло водой. Он чувствовал себя, как мальчишка, наказавший хулигана, точнее немного помогавший. — Мудила, — сказал он и выстрелил из воображаемого пистолета в море. В прошлый раз Кетл оставил бутылку виски, и Уилсон с Бернардом прикончили его. Решив, что он выпил достаточно, Бернард решил подлатать свою ногу, он не был уверен, что сделал всё правильно, но нога была подвёрнута в нужную сторону, хоть Бернард и выкрикнул, ставя сустав на место. Немного позже Уилсон обнаружил, что телефонная связь восстановилась, он позвонил на Большой остров и вкратце рассказал, что случилось. Он ждал, что его обзовут придурком и пришлют Кетла с парочкой людей в белых халатах, но этого не случилось, они даже не удивились. Они прислали на остров четверых человек с носилками, их привёз Кетл.

Значит, 489 не был мёртв? — Спросил Кетл. — Можно и так сказать, — ответил Уилсон. — Ну, я не удивлён. — А мы, знаешь ли, очень удивились. — Ну, я предупреждал, что он тот ещё гад. — Ты несколько преуменьшил. Тогл — ты найдёшь его рядом с большим деревом, кусочек тут, кусочек там. — Эх, — только и сказал Кетл. — Угу, — сказал Уилсон. — Ещё какой ох, у него сложный перелом, — объяснил Уилсон четверым мужчинам, переключаящим Бернарда на носилки. — Нога просто в мясо. — Мы уже поняли, — сказал один из них. — Это наша работа, мы смотрим на перелом и понимаем, что это перелом. — Ну да, он мой друг, так что позаботьтесь о нём, умники. — Разумеется, парень. — Да увозите вы уже, — прикрикнул Кетл, — успеете ещё

наболтаться. Бернард провёл на Большом острове почти два месяца в окружении врачей и симпатичной медсестры, которая ему приглянулась. Возможно, ради неё стоило проторчать тут ещё недельку, на время его отсутствия Уилсон взял на себя всю работу по Малому острову. Починил двери и всё, что мог, наверху решили, что покупать новый бульдозер будет слишком дорого и они обойдутся одним погрузчиком. Когда Бернард вернулся на остров в лодке Кетла, Уилсон вышел встречать его у причала. Бернард был на костылях. — Малыш, я здесь надолго не останусь, — сказал он, — скоро я вернусь на остров, и потом мы с одной медсестрой, её зовут Шерон, уедем отсюда. Всё, я своё отслужил. — Поздравляю, — сказал Уилсон. — Я думал, ты уж никогда не уедешь. — Я переговорил там кое с кем, и они считают, что и ты свой долг выполнил, хоть твой срок ещё и не истёк. — Ты что хочешь сказать? — Я хочу сказать, тоже собирай манатки. — Всё моё всегда при мне. — Ну тогда полезай в лодку, — сказал Кетл, выходя из капитанской рубки, — мне ещё нужно привезти новую троицу вместо вас. — А откуда ты узнал, что я поеду? — Спросил Уилсон. — А с чего мне думать иначе, усмехнулся Кетл, — мне Бернард всё рассказал. — Мы должны подписать соглашение о не разглашении, они сказали, что убьют нас, если мы проболтаемся, — сказал Бернард. — А то я прямо сейчас побегу рассказывать людям, что мы сражались с Големом на краю утёса с помощью бульдозера и погрузчика, а потом ты соскрёб волшебное слово у него со лба ножиком.

Кетл помог Бернарду забраться на борт, Уилсон помедлил, но обернулся на остров. — До чего же это красивое место. — Да уж, и без нас оно ещё прекрасней, — сказал Бернард, посмотрев на Уилсона. — Аминь. — Сказал Уилсон и залез в лодку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net